
ДИСКУССИИ

ДЫСКУСИИ

DISCUSSIONS

УДК 811.161.3'27+811.161.1'27

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ТРАСЯНКИ: ПО ИТОГАМ ОЛЬДЕНБУРГСКОГО ПРОЕКТА

С. Н. ЗАПРУДСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются проблемы идентификации трасянки в связи с существующим о ней научным дискурсом, прежде всего в соотнесении с итоговой статьей «Одиннадцать вопросов и ответов по поводу белорусской “трасянки”» руководителя ольденбургского проекта по исследованию белорусско-русской смешанной речи Герда Хентшеля. Обсуждаются использующаяся в рамках данного исследовательского направления терминология, дефиниции трасянки, проблема времени возникновения данного феномена, методы его изучения. На завершающей стадии проекта был изменен ключевой термин (вместо слова «трасянка» стало использоваться выражение «белорусско-русская смешанная речь»), что имело неоднозначные последствия ввиду чрезмерной широты последнего понятия. В процессе разработки собственно лингвистической части проекта не ставилась задача дать общую дефиницию трасянки, что сузило эвристический потенциал этой части проекта. Постулированию зарождения трасянки в XVIII в. препятствует как отсутствие надежных сведений об устной белорусской речи в конце XVIII – XIX в., так и другие методологические затруднения, связанные с тем обстоятельством, что на протяжении этого и последующего времени белорусский язык не имел стабильной формы и пребывал в постоянной динамике. Само определение некоей разновидности белорусской речи как смешанной научным сообществом или какой-либо значительной частью социума могло появиться не ранее утверждения дискурса о литературных языках с присущим ему понятием нормы, возникновения и социализации дисциплины «Культура речи», а также более или менее развитого национального самосознания. В процессе разработки методов лингвистической квалификации фактического языкового материала при помощи квантитативной методологии (что само по себе явилось очевидным достижением проекта) проблемным моментом стала необходимость одновременного и «инклюзивного»

Образец цитирования:

Запрудский С.Н. Некоторые проблемные вопросы изучения трасянки: по итогам ольденбургского проекта. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2022;1:70–92.

For citation:

Zaprudski S.M. Some problematic issues of the study of trasyanka: some results of the Oldenburg project. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2022;1:70–92. Russian.

Автор:

Сергей Николаевич Запрудский – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета.

Author:

Siarhiej M. Zaprudski, PhD (philology), docent; associate professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology.
zaprudski@gmail.com

учета всех главных параметров, имеющих отношение к разным языковым уровням. Квалификация языкового материала была проведена в значительной мере с опорой на существующие нормативные и, как следствие, идеологизированные представления о белорусском языке и в целом не в полной мере сочеталась с социологической частью проекта. По разным причинам полноценная экспертиза социологической части проекта со стороны белорусских лингвистов в настоящее время едва ли возможна.

Ключевые слова: трасянка; смешанная речевая разновидность; научный дискурс о трасянке; языковой контакт; белорусский язык; русский язык.

НЕКАТОРЫЯ ПРАБЛЕМНЫЯ ПЫТАННІ Вывучэння ТРАСЯНКІ: ПА ВЫНІКАХ АЛЬДЭНБУРГСКАГА ПРАЕКТА

С. М. ЗАПРУДСКІ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

У артыкуле разглядаюцца праблемы ідэнтыфікацыі трасянкi ў сувязі з існуючым пра яе навуковым дыскурсам, перш за ўсё ў сьвядзенні да выніковага артыкула «Адзінаццаць пытанняў і адказаў наконт беларускай “трасянкi”» кіраўніка альдэнбургскага праекта па даследаванні беларуска-рускага змешанага маўлення Герда Генцэля. Абмяркоўваюцца выкарыстоўваемая ў рамках дадзенага даследчага напрамку тэрміналогія, дэфініцыі трасянкi, праблема часу ўзнікнення гэтага феномена, метады вивучэння. На завяршальнай стадыі праекта быў зменены ключавы тэрмін (замест слова «трасянка» стаў выкарыстоўвацца выраз «беларуска-рускае змешанае маўленне»), што мела неадназначныя наступствы з прычыны таго, што апошнія паняцце значна шырокае. У працэсе распрацоўкі ўласна лінгвістычнай часткі праекта не ставілася задача выпрацаваць агульную дэфініцыю трасянкi, што звязіла з урыстычны патэнцыял гэтай часткі праекта. Пастуліраванню зараджэння трасянкi ў XVIII ст. перашкаджае як адсутнасць надзейных звестак аб вуснай беларускай мове ў канцы XVIII – XIX ст., так і іншыя метадалагічныя цяжкасці, звязаныя з той акалічнасцю, што на працягу гэтага і наступнага часу беларуская мова не мела стабільнай формы і знаходзілася ў пастаяннай дынаміцы. Само вызначэнне нейкай разнавіднасці беларускага маўлення як змешанага навуковай супольнасцю ці якой-небудзь значнай часткай грамадства магло з’явіцца не раней замацавання дыскурсу аб літаратурных мовах з уласцівым яму паняццем нормы, узнікнення і сацыялізацыі дысцыпліны «Культура маўлення», а таксама больш ці менш развітай нацыянальнай самасвядомасці. У працэсе распрацоўкі метадаў лінгвістычнай кваліфікацыі фактычнага моўнага матэрыялу пры дапамозе квантытатывнай метадалогіі (што само па сабе з’явілася відавочным дасягненнем праекта) праблемным момантам стала неабходнасць адначасовага і «інклюдзіўнага» ўліку ўсіх галоўных параметраў, якія маюць дачыненне да розных моўных узроўняў. Кваліфікацыя моўнага матэрыялу была праведзена ў значнай меры з апорай на існуючыя нарматыўныя і, як вынік, ідэалагізаваныя ўяўленні аб беларускай мове і ў цэлым не ў поўнай меры спалучалася з сацыялагічнай часткай праекта. З розных прычын паўнацэнная экспертыза сацыялагічнай часткі праекта з боку беларускіх лінгвістаў цяпер наўрад магчымая.

Ключавыя словы: трасянка; змешаная маўленчая разнавіднасць; навуковы дыкурс аб трасянцы; моўны кантакт; беларуская мова; руская мова.

SOME PROBLEMATIC ISSUES OF THE STUDY OF TRASYANKA: SOME RESULTS OF THE OLDENBURG PROJECT

S. M. ZAPRUDSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article deals with problems of the identification of trasyanka with regard to the existing discourse, primarily in connection with the concluding article «Eleven questions and answers about the Belarusian-Russian mixed speech (“Trasyanka”))» published by Gerd Hentschel, head of the Oldenburg project for the study of the Belarusian-Russian mixed speech. Terminology used in the area of research, definitions of trasyanka, the problem of its coming into existence, as well as research methods are discussed. At the final stage of the project the key term was changed. The term «trasyanka» was replaced with the expression «Belarusian-Russian mixed speech» which had some dubious results since the latter concept is too broad. The object of producing a common definition of trasyanka was not set during the development of the

linguistic part of the project, which narrowed the heuristic potential of this part. The postulated emergence of trasyanka in the 18th century, which is rightly disputed by the leader of the Oldenburg project, raises doubts due to the lack of reliable information about the Belarusian language as used at the end of the 18th – 19th century, and by other methodological difficulties associated with the fact that Belarusian language did not have a stable form and was found in permanent dynamics during this and especially subsequent periods. The very definition of a certain type of the Belarusian speech as a mixed one given by either the scientific community or any significant social group could appear no earlier than the establishment of a discourse on literary languages with its inherent concept of norm, the emergence and socialisation of the culture of speech discipline, as well as a more or less developed national consciousness. In the process of developing methods for the linguistic qualification of the language material by means of the quantitative methodology, which by itself was an obvious achievement of the project, the necessity to take into account – simultaneously and «inclusively» – all main parameters related to different language levels became a problematic aspect. The qualification of the language material was largely based on the existing normative and, as a result, ideologised representations of the Belarusian language and as such was not fully adapted to the sociological part of the project. At present, due to a variety of reasons, a complete exploration of the sociological part of the project by Belarusian linguists is hardly possible.

Keywords: trasyanka; mixed speech variety; scientific discourse about trasyanka; language contact; Belarusian language; Russian language; Oldenburg project on the Belarusian-Russian mixed speech; Gerd Hentschel.

Введение

Изучение трасянки не имеет давней традиции. Первые публикации по данной теме появились только в 1990-х гг., и из них следовало, что данное явление оказалось для белорусских гуманитариев весьма непростым [1; 2]. Исследование языкового контакта и двуязычия в Беларуси разворачивается медленно [3]. Белорусские лингвисты преуспели в исследовании диалектологии, однако традиционное изучение диалектной речи на основе записей тщательно подобранных образцовых информантов категорически отличается от присущего так называемой городской диалектологии исследования варьирования в речи носителей неканонических разновидностей языка, живущих в режиме «разноречия» (термин М. Бахтина). В Беларуси нет ни одного научного или учебного учреждения, в котором исследование трасянки проводилось бы каким-либо коллективом ученых в качестве отдельного планового задания. По сей день этот противоречивый феномен исследуется в результате немногочисленных инициатив отдельных ученых. Количество специально посвященных трасянке и напечатанных в Беларуси статей отечественных авторов едва превышает десяток [1; 4–8]. Существенным недочетом белорусских работ по трасянке является недостаточное обращение к фактическому материалу. По мнению рецензента одной из книг по трасянке и суржику Д. Штерна, уже пришло время исследовать эти феномены с использованием полевых записей, предпочитая «здоровой научной интуиции и неправдоподобному наблюдению тщательные эмпирические исследования»¹ [9, с. 133].

Иначе выглядит ситуация в Германии, где в Ольденбурге с 2008 по 2014 г. под руководством профессора Ольденбургского университета Герда Хентшеля разрабатывался поддержанный фондом «Фольксваген» исследовательский проект «Трасянка в Беларуси – “смешанная разновидность” как продукт белорусско-русского языкового контакта: языковое структурирование, социологическая идентификация механизмов и социальная экономия языка». Уже в первых своих публикациях Г. Хентшель обратил внимание на недостаток в Беларуси эмпирических исследований [10, с. 85]. Собственно, в основе данного проекта в значительной мере лежало стремление уйти от оценочности и некоего экспрессионизма в научном исследовании. Для достижения этой цели был избран количественный подход. За время проведения проекта его участниками были опубликованы около 80 статей, 3 сборника [11–13], 3 монографии [14–16]. Параллельно лингвистическому проводилось социологическое исследование, вышедшее в свет в 2018 г. [17]. Сам Г. Хентшель в 2006–2018 гг. опубликовал (в ряде случаев в соавторстве) по рассматриваемой теме 37 статей (11 из которых вышли в Беларуси), был соавтором 2 монографий и редактором 3 сборников. Важным достижением проекта является наличие собранного в процессе полевой работы языкового материала, представленного в виде корпуса².

Многие статьи белорусских авторов 2008–2014 гг. были написаны под влиянием ольденбургского проекта. Г. Хентшель стимулировал активность первых белорусских исследователей трасянки – Г. Цыхуна и Н. Мечковской, а также привлек к изучению данного феномена новых ученых (ср., напри-

¹Здесь и далее перевод наш. – С. 3.

²Hentschel G., Zeller J. P., Tesch S. Das Oldenburger Korpus zur weißrussisch-russischen gemischten Rede. OK-WRGR [Electronic resource]. URL: www.uni-oldenburg.de/ok-wrgr (date of access: 12.01.2022) ; Хентшель Г., Целлер Я. П., Теш С. Ольденбургский корпус белорусско-русской смешанной речи. ОК-БРСР. Документация [Электронный ресурс]. URL: http://oops.uni-oldenburg.de/2629/1/HentschelZellerTesch_2016_OK-BRSR.pdf (дата обращения: 12.01.2022).

мер, [1; 2; 6; 8; 18–23]). В 2007 и 2011 гг. в Ольденбурге были проведены две конференции, материалы первой из них изданы в 2014 г. [13]. В Германии в 2013 г. как отдельный номер журнала «Studia Slavica Oldenburgensia» был опубликован сборник статей Г. Цыхуна «Исследования о “трасянке”» («Штудыі пра “трасянку”») с предисловием Г. Хентшеля [24]³.

В сентябре 2014 г. на Супруновских чтениях в Минске в отсутствие автора был оглашен доклад Г. Хентшеля «Белорусско-русская смешанная речь (“трасянка”): восемь вопросов и ответов» [25], который на чтениях не обсуждался. Этот доклад в существенно дополненном и доработанном виде был опубликован в 2017 г. под названием «Одиннадцать вопросов и ответов по поводу белорусской “трасянки”» (далее – «Одиннадцать вопросов и ответов...») на английском языке в журнале «Russian Linguistics» [26]. Затем в том же году (с небольшими изменениями по сравнению с англоязычной версией) доклад вышел в свет на русском языке в московском журнале «Русский язык в научном освещении» [27].

В статье «Одиннадцать вопросов и ответов...» обсуждаются следующие вопросы⁴:

- 1) когда возникла трасянка?;
- 2) как появилась трасянка и как происходит процесс ее усвоения?;
- 3) является ли трасянка формой речи малообразованных людей?;
- 4) есть ли у трасянки что-либо общее с пиджинами, креольскими или другими «смешанными языками»?;
- 5) является ли трасянка примером переключения кодов (*code-switching*), смешения кодов (*code-mixing*) или смешанного кода (*fused lect*)?;
- 6) есть ли у трасянки узус или узусная норма?;
- 7) можно ли отличить трасянку на белорусской основе от трасянки на русской основе?;
- 8) является ли трасянка белорусским или русским диалектом?;
- 9) можно ли описывать трасянку через классические концепты диглоссии и билингвизм?;
- 10) представляет ли собой трасянка временное явление в сдвиге от белорусского языка к русскому?;
- 11) какую роль может играть трасянка в поддержке или возрождении белорусского языка? [26; 27].

По словам Г. Хентшеля, статья «Одиннадцать вопросов и ответов...» представляет итоги завершеного проекта и имеет основной целью «суммировать идеи и наблюдения, изложенные в ряде уже опубликованных работ по итогам отдельных полномасштабных исследований» [27, с. 210].

Описываемой работе свойственны многоаспектность рассмотрения и обстоятельность аргументации: в своей публикации Г. Хентшель стремится дать «исчерпывающие» ответы на поставленные вопросы [27, с. 210]. Библиографический список в работе составляют 97 позиций. Можно предвидеть, что данному труду будет суждено надолго стать своеобразным пунктом соотнесения для многих последующих обсуждений трасянки.

В 2008–2014 гг. по крайней мере некоторые белорусские лингвисты так или иначе соотносили свои суждения о трасянке с исследованиями, проведенными в рамках ольденбургского проекта. Вдохновленная применением Г. Хентшелем количественного подхода, Н. Мечковская в своих трудах 2007–2013 гг. также использовала количественные данные [6; 8], в некоторых ее публикациях напрямую трактуются ольденбургский проект и (или) подходы к исследованию трасянки Г. Хентшеля [8; 28]. В рассматриваемом труде Г. Хентшеля упоминается большинство известных специальных статей о трасянке, а также отдельные публикации об аналогичном украинском явлении – суржике. Трактующая многие ключевые проблемы трасянки, работа «Одиннадцать вопросов и ответов...» подводит черту не только под ольденбургским проектом, явившим собой некий «осколок метода» (Н. Мечковская), но в известном смысле и под всем предыдущим изучением этого controversialного феномена. Поэтому названная статья как некое обобщение ольденбургского проекта заслуживает особого внимания.

Однако, за исключением статьи Н. Мечковской [28], данная работа до сих пор не привлекла внимания белорусских лингвистов, результатом чего стали бы конкретные публикации. Уточняя в 2018 г.

³Автор этих строк участвовал в проекте как организатор сбора языкового материала и соорганизатор конференции в 2007 г. Он являлся также соредктором двух сборников (2008, 2014), научным руководителем диссертации Е. В. Лянкевич «Белорусский язык и смешанные коды в социолингвистическом и психолингвистическом аспектах: категория отношения к языку в обществе» (защищена в Минске в 2014 г.), которая частично имела отношение к проекту. Также под нашим руководством в 2018 г. в Минске была защищена формально не связанная с проектом диссертация Н. В. Яненко «Вариантность в гетерогенной городской речи (на материале записей в г. п. Хотимске)», в которой в том числе использовались записи, сделанные во время полевой работы в ольденбургском проекте.

⁴С 2012 г. Г. Хентшель номинально отказался от термина «трасянка» в пользу термина «белорусско-русская смешанная речь» (БРСР). В названиях вопросов в статье 2017 г., за исключением одного случая, он использует их как взаимозаменяемые. Для простоты изложения при нижеследующем пересказе статьи «Одиннадцать вопросов и ответов...» при условии параллельного использования терминов «белорусско-русская смешанная речь» и «трасянка» мы применяем последний термин.

в своей статье собственную позицию, Н. Мечковская одновременно оценила особенности ольденбургского проекта. Еще в статье 2013 г. она указала, что проект может служить «образцом и школой» современной лингвистической методологии, и подтвердила это свое мнение в публикации 2018 г. В то же время в статье «Белорусская “трасянка” как яблоко раздора и как оселок метода» было отмечено, что в процессе разработки ольденбургского проекта так и не было выработано определение понятия трасянки, объект наблюдения «заслонил более широкую реальность», проекту свойственна некоторая «абстрактность», предмет рассмотрения «сужен», полученный «неочевидным образом на основе трудоемких и потому несистематических подсчетов» вывод Г. Хентшеля образца 2013 г. о несуществовании одного гоомогенного смешанного белорусско-русского идиома как относительно стабильного смешанного кода, используемого по всей Беларуси, был известен белорусским авторам еще в 1990-х гг. и пр. [28]. Реакцию на некоторые особенности ольденбургского проекта находим в недавней работе А. Барковича (возрождающей при рассмотрении трасянки отвергнутый термин «интерференция») [29], однако автор ссылается на работы Г. Хентшеля 2011 и 2013 гг., а также на журналистские представления проекта в интернете, но не рассматривает публикацию 2017 г.

Целью данной статьи является стимулированное публикацией итоговой работы руководителя ольденбургского проекта обсуждение некоторых проблем идентификации трасянки в связи с существующим о ней научным дискурсом. Задача работы – обсуждение некоторых особенностей немецко-белорусской научной конфронтации в статье «Одиннадцать вопросов и ответов...», использующихся в рамках данного исследовательского направления дефиниций трасянки, существующей терминологии, времени и механизма возникновения трасянки, методов ее изучения.

Результаты и их обсуждение

Статья «Одиннадцать вопросов и ответов...» как вызов белорусской социалингвистике. Исключительно продуктивное сотрудничество Г. Хентшеля с белорусскими учеными в сфере исследования белорусско-русского языкового контакта началось осенью 2006 г. Однако еще на ранней стадии выполнения проекта обнаружились противоречия, которые постепенно отразились в отдельных публикациях. В 2013 г. в статье Н. Мечковской наряду с многочисленными положительными оценками проекта были выражены некоторые сомнения в плодотворности принятого в Ольденбурге подхода [8]. В частности, имели место замечания по поводу вопроса о наличии у трасянки узуса, успешности разделения трасянки и нетрасянки в рамках выполнения проекта, игнорирования в процессе обработки материала фонетического уровня, включения в социологические анкеты вопросов о смешанном языке и пр.

В свою очередь, в публикациях Г. Хентшеля постепенно стали появляться критические, иногда эмоциональные замечания по поводу работ белорусских исследователей. Так, в доклад руководителя ольденбургского проекта, сделанный в Минске в 2014 г., был включен раздел «Как возникла БРСР и как ее “изучают”» (в заголовке использованы модальные кавычки) [25, с. 175]. Правда, тезис о неудовлетворительном изучении трасянки в опубликованном тексте доклада не был раскрыт. Отдельные конкретные позиции Н. Мечковской и Г. Цыхуна позволили руководителю ольденбургского проекта сделать заключение, что первый автор не принимает во внимание «достижения социалингвистической теории и методологии за последние пять-шесть десятилетий» [27, с. 223], а второй исследователь не учитывает «развитие современной (надо признать, западной) социалингвистики» [27, с. 224]. Г. Хентшель относительно подхода Г. Цыхуна добавляет, что позиция этого белорусского автора «лежит в русле европейской лингвистической традиции первой половины XX века, в рамках которой в качестве объекта для изучения рассматривались лишь литературные языки и “старые” диалекты, но не социально обусловленные языковые проявления» [27, с. 224].

Как видим, основные претензии руководителя ольденбургского проекта к работам белорусских авторов в целом сводятся к тому, что в них не учитываются достижения современной социалингвистики. Спор возник в связи с тем, что некоторые белорусские ученые не разделяли точку зрения руководителя ольденбургского проекта о наличии в трасянке узуса. Только один белорусский исследователь (И. Климов), по словам Г. Хентшеля, поддержал его позицию относительно положительного разрешения шестого вопроса и увидел в белорусско-русской смешанной речи конвенционализированный код [27, с. 223].

Значительная часть вопросов в статье «Одиннадцать вопросов и ответов...» начинается со своеобразного антитезиса, критики и опровержения взглядов разных авторов.

Например, в статье оспаривается мнение Н. Мечковской о возникновении трасянки на переломе XVIII–XIX вв. (первый вопрос). Рассматривая наличие у трасянки чего-либо общего с пиджинами и креольскими языками (четвертый вопрос, раскрытый в статье с особой тщательностью), Г. Хентшель исходит в том числе из того, что термин «креолизированный» употреблял в 1998–2014 гг. Г. Цыхун.

При обсуждении седьмого вопроса руководитель ольденбургского проекта возражает автору этих строк о возможности выделения наряду с трасянкой на белорусской основе также трасянки на русской основе и пр.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что иногда белорусские авторы не выражали какую-то специфическую белорусскую точку зрения, однако в сферу критического анализа попали именно они.

Что касается, например, мнения о возникновении трасянки на переломе XVIII–XIX вв., то аналогичные суждения по поводу суржика неоднократно высказывали украинисты, в том числе западные [30; 31]. Говоря в контексте обсуждения темы возникновения у восточных славян «смешанных языков» о «довольно долгом контакте» между русским, с одной стороны, и украинским и белорусским языками – с другой, Ю. Бестер-Дилгерс утверждает, что этот контакт «стал *еще более интенсивным*⁵ для украинского языка с 1654 года, когда восточная часть перешла под русское господство, а для белорусского языка в результате трех польских разделов (конец 18-го века)»⁶ [32, S. 13].

Обсуждая мнение о возможности выделения наряду с трасянкой на белорусской основе также трасянки на русской основе, автор статьи «Одиннадцать вопросов и ответов...» не упоминает, что аналогичным образом склонен разграничивать белорусские разновидности трасянки австрийский исследователь Г. Бидер [35]. Среди украинистов основанные на русском языке типы суржиков выделяет американская исследовательница Л. Биланюк [36].

При ответе на вопрос о наличии у трасянки общих черт с пиджинами и креольскими языками в статье Г. Хентшеля не указывается, что одним из предшественников Г. Цыхуна в наименовании трасянки креолизованной разновидностью был шведский славист С. Густавссон – автор двух публикаций (1995, 1999), причем вторая публикация вышла в свет в авторитетном международном справочнике «Контактная лингвистика» [37]. По отношению к трасянке С. Густавссон употреблял также термин «полуязычие» [38, р. 54]. Впрочем, в 2005 г. и сам Г. Хентшель предполагал, что одним из направлений работы возглавленной им Комиссии по языковым контактам при Международном комитете славистов будет изучение «пиджинизации и креолизации в славянских языковых контактах» [39, с. 20], правда, по прошествии времени трудно определенно судить, что имелось в виду в данном случае.

При обсуждении пятого вопроса, трактующего в том числе информацию о том, является ли трасянка примером переключения кодов, вскользь критикуется одно из частных мнений И. Лисковец, но при этом не упоминается специальная статья на эту тему Е. Головки [40].

Независимо от ошибочности или верности критикуемых в статье «Одиннадцать вопросов и ответов...» мнений белорусских и других ученых (к вопросу о времени возникновения трасянки мы вернемся ниже) представляется, что в ряде случаев некоторые суждения рассматриваются без привлечения более широкого контекста. Особое внимание Г. Хентшеля к трудам некоторых белорусских ученых, вольная или невольная фиксация прежде всего их недочетов в исследованиях в совокупности с принятой формой некоего поучающего «катехизиса» в ряде фрагментов придают статье специфический характер⁷.

В статье «Одиннадцать вопросов и ответов...» не просто представлены достижения проекта, но и истолкованы аспекты, которые в ходе выполнения проекта специально не изучались (первый, второй, девятый, десятый и одиннадцатый вопросы).

Первый и второй вопросы почти целиком исторические, в рамках выполнения синхронического ольденбургского проекта их разработка не предусматривалась. Девятый вопрос вместе со способом его формулирования («Можем ли мы понимать БРСР/трасянку с помощью таких старых понятий, как “диглоссия” и “билингвизм”?») и предложенным ответом возник у автора по завершении проекта в результате размышлений после прочтения статьи 2017 г. Ю. Ясперса «Диглоссия и за ее пределами» [42],

⁵Здесь и далее выделено нами. – С. 3.

⁶Согласно белорусским источникам, начало формирования белорусско-русского двуязычия как «реального, социально значимого явления» восходит к 1830-м гг. [33, с. 5]. В отношении языка, например, мелкой шляхты замечено, что проникновение русской лексики и влияние русского языка на речевую практику данной группы относятся ко второй половине XIX в. [34, с. 257, 261].

⁷По крайней мере, некоторые ассоциированные с Г. Хентшелем ученые осознают конфронтационность положений, выдвинутых в рамках ольденбургского проекта. Обратив внимание на то обстоятельство, что ольденбургские авторы социологической книги 2018 г. трактуют трасянку на языковом уровне (то есть не так, как обычно принято) и ставят ее в один ряд со стандартными русским и белорусским языками, германские рецензенты книги в украинском журнале «Мовознавство» А. Зинкевич и М. Преннер предположили, что это обстоятельство может вызвать «научную конфронтацию с лингвистами, особенно со многими белорусскими лингвистами» [41, с. 74, 79]. Впрочем, считают рецензенты, эта дискуссия может быть полезной, ведь она, возможно, «откроет для белорусского языкознания тему “трасянки” не в субъективно-оценочном контексте, а в структурно-морфологическом, синтаксическом и текстологическом ракурсах» [41, с. 79].

на которую автор статьи «Одиннадцать вопросов и ответов...» многократно ссылается. Десятый вопрос вторгается в сферу футурологии, одиннадцатый трактует материю, которая лишена эмпирической основы. Эти вопросы вообще вряд ли могут быть разрешены на научной основе.

В итоговой статье руководителя проекта, известного своей приверженностью эмпирическим исследованиям, обсуждаются и вопросы, не являющиеся в рамках проекта предметом специального изучения. Это может свидетельствовать о том, что какие-то важные моменты изучения трясянки проектом не были охвачены, и (или) о том, что и на данном этапе исследования этого комплексного явления все еще могут иметь не только место, но и значение не в полной мере опирающиеся на эмпирический материал суждения, дискурс, основанный на анализе дискурса других авторов.

В статье «Одиннадцать вопросов и ответов...» Г. Хентшель уместно показал, что многие, в том числе некоторые «онтологические», проблемы изучения трясянки до сих пор не разрешены. Все еще нет некоего набора обязательных конвенций, которые соблюдали бы если не все, то хотя бы основные игроки на поле этого нового направления, изучающего трясянку⁸. Разница в понимании некоторых частных проблем не является критичной для общего прогресса в развитии данного направления. Однако достижение более или менее единого подхода к принципиальным пунктам необходимо. К ним, конечно, относится (не сформулированный в статье «Одиннадцать вопросов и ответов...») вопрос о том, чем же, собственно, является трясянка и можно ли ее отличить от других белорусских речевых разновидностей, изобилующих признаками русского влияния (например, белорусской диалектной или разговорной речи). Естественно, первостепенное значение имеют также первый и второй заданные руководителем ольденбургского проекта вопросы: когда и как трясянка возникла? как происходит процесс ее усвоения?

Что такое трясянка? Определение трясянки в ольденбургском проекте. В одной из первых работ ольденбургские авторы утверждали, что трясянка напоминает переключение кодов с очень быстрым пульсированием (*schnell-getaktetes code-switching*) [44, S. 233; 45, S. 170]. Обращаясь к определениям, данным рассматриваемому понятию в 2012 г., германские ученые отмечали, что до того времени не существовало удовлетворительной дефиниции, которую можно было бы операционально реализовать в эмпирическом анализе [46, S. 127–128]. Впоследствии в разных публикациях ольденбургского проекта трясянка определялась либо в ракурсе операционального использования этого понятия при обработке языкового материала, либо в довольно общих выражениях.

В статье «Одиннадцать вопросов и ответов...» утверждается, что термин «белорусско-русская смешанная речь» в процессе анализа языкового материала «был строго определен: он использовался только для тех высказываний в корпусе, которые содержали (на более глубоком, чем фонетика и фонология, уровне) как белорусские, так и русские и (или) гибридные элементы (словоформы или даже морфемы) или абстрактные структуры (например, морфосинтаксические связи вроде управления и согласования)» [27, с. 210]. Такая формулировка восходит к «дефиниционному ограничению» трясянки в 2012 г. у авторов ольденбургской школы, представленному для трясянки в узком смысле. Трясянка в широком смысле (иначе – «смешанный дискурс») могла включать не только высказывания, состоящие одновременно из белорусских и русских словоформ, но и случаи соседствующих высказываний, когда одно из них могло представлять собой трясянку в узком смысле, а второе могло быть белорусским или русским [46, S. 128–129].

Как бы то ни было, приведенное в рассматриваемой статье определение мало о чем говорит читателю. Принятое для решения внутренних задач обработки фактического языкового материала в рамках ольденбургского корпуса белорусско-русской смешанной речи, оно обращено к самому себе, «герметично». В этом определении обращает на себя внимание отсутствие фонетики и лексики среди критериев, на основании которых идентифицирована белорусско-русская смешанная речь.

Объяснение исключения из принимающихся во внимание параметров фонетики есть в более ранних статьях Г. Хентшеля. В 2012 г. со ссылкой на работу А. Мартине «Двойная языковая артикуляция» [47] для анализа трясянки были дифференцированы два уровня. К первому отнесены лексика, синтаксис, морфология и морфофонология, ко второму – фонетика и фонология. «Различение данных уровней при количественном анализе позволяет определить, в какой мере белорусско-русская смешанная речь является “поверхностным” феноменом произношения и в какой мере она затрагивает “глубинные” языковые уровни, которые, разумеется, вызывают наибольший интерес» [48, с. 222]. Вслед за А. Мартине все языковые уровни, кроме фонетики и фонологии, были отнесены к «первой артикуляции», а фонетика и фонология – ко «второй артикуляции» [46, S. 128; 48, с. 222]. При обосновании вторичности фоне-

⁸Кажется, похожая ситуация наблюдается и в украинистике относительно трактовки аналогичного понятия – суржика. Как свидетельствовала в 2014 г. Л. Биланюк, активное обсуждение данного феномена тем не менее не привело в результате к согласию относительно его природы и роли [43, S. 27].

тических и фонологических явлений в другой работе руководителя проекта была сделана ссылка на монографию Я. Матраса «Языковой контакт» («Language contact», 2009) [49, с. 57].

Ни в одном, ни в другом случае такие доводы не кажутся достаточно убедительными. Что касается работы А. Мартине, то, во-первых, она принадлежит к иной, чем языковой контакт, научной парадигме. Данный труд был написан до возникновения современной социолингвистики. Во-вторых, при изучении трасянки имеет значение не только количественный анализ. В-третьих, трасянка – это в значительной степени (если не в первую очередь) *звучащая* речь. В условиях, когда в белорусском и русском языках существует небольшое количество полностью отличающихся слов, разница между ними, как замечал в одной из статей сам Г. Хентшель, в значительной степени определяется отличиями в фонетике [50, S. 179]. Столь важные фигуры, как У. Лабов и П. Традгилл, в своих работах уделяли первостепенное внимание фонетике. Применительно к мигрантам, которые перемещались в регионы, где употреблялся непонятный язык, Дж. Чемберс использует термин «слышимое меньшинство» и вспоминает о том, что во времена его детства старики ворчали, если слышали чужие слова на улице [51, р. 98]. Ссылку же на работу Я. Матраса следует признать случайной. В конкретном месте книги в контексте усвоения второго (очевидно, неродственного) языка на фоне насущной необходимости выбирать правильные словоформы и поддерживать успешную коммуникацию речь идет об указании на восприятие вторичности фонетики говорящими. Это наблюдение не обязательно было бы релевантным для белорусско-русского контакта (где поддержание успешной коммуникации едва ли является сложной для реализации проблемой), кроме того, оно не является исследовательским суждением Я. Матраса [52, р. 58], как можно было бы подумать.

В связи с исключением фонетики из проявлений смешанной белорусско-русской речи при обработке материала можно было бы вслед за Н. Мечковской сказать, что такой подход привел к «искусственному обеднению картины» [8, с. 66]. Но на самом деле фонетика в проекте не игнорируется, она то и дело обсуждается при рассмотрении морфологии, ей посвящена одна из подготовленных в рамках проекта монографий [15]. Вероятно, учет фонетических данных при обработке материала неизмеримо усложнил бы задачу применения квантитативного метода, в связи с этим фонетическими показателями пришлось пожертвовать. Конечно, это обстоятельство отразилось на результатах проведенных подсчетов.

Ссылка на дифференциацию А. Мартине указывает на то, что лексика должна приниматься во внимание, но в утвержденной в рамках проекта рабочей дефиниции собственно лексический уровень не упоминается⁹.

Автор указывает, что «выбор существительного в наименовании “белорусско-русская смешанная речь” мотивирован тем, что объектом эмпирического исследования, конкретных анализов являлась именно смешанная речь» [27, с. 210], не язык. Однако, кроме термина «смешанная речь», в статье используется также термин «белорусско-русский смешанный идиом», или просто «идиом». Белорусско-русский смешанный идиом возникает из первоначально исключительно спонтанной белорусско-русской смешанной речи [27, с. 212] и представляет собой некую гибридную систему, которая применяется в качестве основы регулярного смешения в процессе речи [27, с. 210]. Наконец, в третьем случае слово «идиом» появляется как наименование трасянки и суржика, они просто называются идиомами [27, с. 223]. В более поздней статье 2018 г. автор еще раз отождествляет понятия «смешанная речь» и «смешанный идиом», когда пишет, что «обе эти формы (имеются в виду бытующие в Беларуси и Украине трасянка и суржик. – С. З.) *смешанной речи или смешанного идиома* используют миллионы людей в этих странах» [55, с. 190]. Представленная в том числе как идиом, собственно как язык, в статье 2018 г. трасянка ставится в один ряд с белорусским и русским языками. Это же делается в статьях по социологии ольденбургского проекта [56] и, как уже замечено выше, в итоговой монографии¹⁰. Если трасянка все чаще трактуется ольденбуржцами как *язык*, то не совсем понятны причины выбора слова «речь» при принятии термина. В итоговом социологическом исследовании ольденбургского проекта трасянка весьма общим образом охарактеризована как «различные белорусские диалекты и русский язык в качестве главного *лингва франка* (Hauptverkehrsprache)... смесь белорусских и русских элементов и структур» [17, S. 17].

Если бы трасянка в рамках ольденбургского проекта действительно понималась как речь, то при ее интерпретации пришлось бы устанавливать некоторые важные ограничения. Поскольку речь является некоей формой реализации языка или языковой разновидности, поскольку она тем или иным

⁹В статье [27, с. 225] даны ссылки на две работы автора, в которых определены лексические переменные [53; 54]. Количество проанализированных случаев сравнительно небольшое.

¹⁰Ссылаясь иногда на работы социологической части ольденбургского проекта, автор в целом держится в стороне от их обоснования. По разным причинам полноценная экспертиза социологической части проекта со стороны белорусских лингвистов в настоящее время едва ли возможна.

образом воспроизводится в определенной ситуации в определенный момент, постольку неоднократные рассуждения автора о том, что от поколения к поколению *передается* трясанка-речь, представляются уязвимыми.

О *противоречивом отношении к термину «трясанка»*. Как отмечалось выше (см. сноску 5), в статье «Одиннадцать вопросов и ответов...» Г. Хентшель критически относится к употребляющемуся в течение 30 лет в работах лингвистов термину «трясанка» и декларирует отказ от него.

Дело в том, сообщается в статье, что немецкие ученые пришли к выводу о его стигматизированности. Автор указывает: такая номинация предполагает, что трясанка – это «речь простых, грубых и необразованных крестьян, которые волею судьбы оказались в городах» [27, с. 215]. В статье замечено: в рамках ольденбургского проекта уже долгое время используется термин «белорусско-русская смешанная речь» [27, с. 210]. Автор предупреждает читателя статьи, что в ней по отношению к собственным результатам употребляется термин «белорусско-русская смешанная речь», тогда как термин «трясанка» резервируется для ссылок на исследования «других ученых, в работах которых существует соответствующая терминологическая практика» [27, с. 209–210].

В ситуации, когда «соответствующая терминологическая практика» в обилии существовала (и существует в некотором виде донныне) в рамках ольденбургского проекта (из-под пера его руководителя на протяжении 2006–2018 гг. вышло 15 публикаций, в заглавиях которых содержится слово «трясанка»), в ситуации, когда слово «трясанка» употребляется иногда в том числе и в статье «Одиннадцать вопросов и ответов...» не только «невольно», но и «вольно», такое дистанцирование от данного термина и его «переназывание» представляются удивительными по следующим причинам:

1) в слове «трясанка» не содержится указания на грубость или необразованность людей, применяющих ее;

2) на негативную коннотацию данного термина обращалось внимание уже в первых работах 1990-х гг., где он упоминался [3, р. 80; 4, с. 84; 38, р. 54; 57, S. 152];

3) простая безоговорочная замена основного термина в ходе выполнения проекта не может обойтись без негативных последствий. Самым очевидным из них является «чересполосица» в терминологии, возникает проблема сочетаемости «старого» и «нового» терминов;

4) предложенный Г. Хентшелем в качестве понятия «трясанка» эквивалентный термин «белорусско-русская смешанная речь», очевидно, таковым является не в полной мере;

5) термин «трясанка» уже преодолел рамки славистики, он употребляется некоторыми квалифицированными западными неславистами, специалистами по языковому контакту¹¹;

6) похожие термины в обилии существуют в других национальных лингвистических традициях, например итальянско-испанский или итальянско-португальский *cocoliche*, португальско-испанский *fronterizo* (*fronterico*), галисийско-испанский и испанско-галисийский *castrapo* и *chapurrao*, каталанско-испанский *catañol*, *portuñol* в Уругвае, если ограничиваться только романистикой.

Наконец, произошедший на наших глазах сдвиг в терминологии по направлению к трясанке как белорусско-русской смешанной речи плохо согласуется с одновременно происходящим дрейфом интерпретации в рамках ольденбургского проекта прямо в противоположном направлении.

В ситуации, когда в науке нет приемлемого безоценочного термина, в научном дискурсе может употребляться метафорический термин (трясанка). В условиях, когда этот термин в той или иной мере продолжает использоваться участниками ольденбургского проекта, включая руководителя (ср., например, [55; 60]), в том числе на последнем съезде славистов в Белграде, в ситуации, когда Г. Хентшель в последние годы пользуется похожим термином «суржик», дистанцирование ольденбургского ученого от термина «трясанка» выглядит как некий тактический либо риторический прием.

Время и механизм возникновения трясанки, ее усвоение. У исследователей трясанки нет полного согласия по поводу принципиального, первого из сформулированных в статье «Одиннадцать вопросов и ответов...», пункта: когда возникла трясанка (или, по Хентшелю, белорусско-русская смешанная речь)? Автор оговаривается, что этот вопрос следует решать не столько путем эмпирического исследования, сколько посредством принятия той или иной точки зрения в качестве исходной. При ответе на этот вопрос в статье оспаривается мнение о том, что трясанка могла возникнуть в конце

¹¹Так, например, в одной из своих статей трясанку наряду с *Missingsch* (окрашенная нижнегерманскими особенностями разновидность немецкого языка) в северной Германии, *italiano popolare* («народный» итальянский) в Италии, *kyökki* («кухонный» финский) в Хельсинки упоминает П. Ауэр в контексте темы об образовании некоего рода разновидностей стандарта в устах осваивающих второй язык сельских мигрантов в городах [58, р. 17]. Составители кембриджского учебника по переключению кодов, романисты по образованию Б. Буллок и А. Торибио упоминают трясанку наряду с суржилом в процессе обсуждения метафорических наименований двуязычных речевых разновидностей, попутно отмечая, что эти термины несут пейоративные коннотации [59, с. 4].

XVIII в.: «Сегодняшняя тряснянка не является следствием социальной преемственности или какой-либо межпоколенческой передачи смешения белорусского и русского языков до XX века» [27, с. 212]. Но если бы тряснянка понималась как «все когда-либо зафиксированные случаи смешения белорусских и русских выражений и конструкций», рефлексует Г. Хентшель, тогда можно было бы согласиться с тем, что она возникла в конце XVIII в., «если не раньше» [27, с. 211].

Здесь отрицательно сказывается замена основного термина. Читателю может быть не совсем понятно, что обсуждает в этом вопросе автор. Если происхождение белорусско-русской смешанной речи в целом предполагает учет «всех когда-либо зафиксированных случаев смешения», то, конечно, она имеет глубокую историю, и можно предоставить знатокам истории языка и любителям теоретических обобщений возможность посоревноваться на этом поле в установлении частностей¹². Но если автор обсуждает происхождение той части смешанной речи, за которой закрепилось название «трясянка», то это, вне сомнения, совсем другой предмет.

Подход, согласно которому тряснянка могла возникнуть в конце XVIII в., отклоняется автором статьи «Одиннадцать вопросов и ответов...» по причинам исторического и социолингвистического характера. Коротко аргументация Г. Хентшеля выглядит следующим образом.

В условиях, когда отсутствовало регулярное и активное взаимодействие между носителями белорусского и русского языков, в XIX в. языковой контакт представлял пока еще только в виде «простой интерференции, то есть спонтанного смешения» [27, с. 211]. Только в ситуации массовых контактов XX в. возникли предпосылки для того, чтобы люди, стремящиеся сменить белорусский язык на русский, начали использовать смешанную речь не только в общении с носителями русского языка, но и друг с другом [27, с. 212]. Белорусско-русской смешанной речи не существовало до тех пор, пока она не стала использоваться в общении с детьми [27, с. 212]. Более точно возникновение тряснянки Г. Хентшель вслед за Г. Цыхуном и автором этих строк возводит ко времени интенсивной миграции в города сельчан в послевоенные годы. По его мнению, это поколение «не получило тряснянку из своего окружения, а создавало ее» [27, с. 214].

В статье «Одиннадцать вопросов и ответов...» определяется более или менее точное время установления различия между существованием нестабилизированной смешанной речи (по Хентшелю, имела место в XIX в.) и стабилизированной смешанной речи (которой в XIX в. не было). Вообще специалисты по языковому контакту считают, что установить момент, когда в результате рутинного (*ordinary*) заимствования (то, что в статье «Одиннадцать вопросов и ответов...» называется простой интерференцией) происходит смешение языков, довольно трудно, четкой границы между ними нет [61, р. 294]. Г. Хентшелю, судя по разработке первого пункта в статье «Одиннадцать вопросов и ответов...», удалось различить момент перетекания одной в другую еще более трудноразличимых сущностей – нестабилизированной смешанной речи и стабилизированной смешанной речи. Обращают на себя внимание и другие обстоятельства.

Еще недавно автор был склонен скорее удлинять «родословную» тряснянки, нежели укорачивать ее. На это обстоятельство обратила внимание в 2013 г. Н. Мечковская [8, с. 63]. В статье 2013 г. Г. Хентшель писал: «*Без сомнения, в Белоруссии уже с XIX века существовали формы смешения двух языков... <...> ...В период между двумя мировыми войнами в восточной части Белоруссии, без сомнения, степень распространения смешанной белорусско-русской речи увеличивалась*» [49, с. 54]. В ситуации, когда в общем считается, что возникновение тряснянки связывается с послевоенной урбанизацией и миграцией в города белорусских сельчан, подобные акценты воспринимаются как полемические указания на более глубокую историю, нежели принято думать¹³.

¹²Стремление углубить родословную тряснянки (суржика), обнаружившееся в процессе развертывания данной дисциплины, может вызываться не только особой любовью к истории. Значение также могут иметь стремление подвести под предмет своего исследования более глубокую историческую основу, желание в рамках постколониального дискурса очередной раз упомянуть тему присоединения Беларуси (Украины) к России, наконец, просто наличие в руках того или иного исследователя более или менее подходящего материала из сферы соответствующих исторических периодов.

¹³Мнения об особой исторической глубине белорусско-русского смешения высказывались Г. Хентшелем до 2017 г. настолько внятно и энергично, что они повлияли на взгляды других исследователей. Предположительно, цитированное выше мнение Ю. Бестерс-Дилгер о том, что в конце XVIII в. белорусско-русский контакт стал «еще более интенсивным», появилось не без влияния суждений Г. Хентшеля: за этим мнением в статье Ю. Бестерс-Дилгер следует ссылка на неопубликованную статью ольденбургского ученого [32, S. 13]. Любопытно, что при этом, по крайней мере, в некоторых своих последних публикациях, Г. Хентшель культивирует мнение об особой исторической глубине суржика. Так, во введении к одной подготовленной в соавторстве с А. Тараненко статье указывается, что суржик возник вследствие «длительного, продолжающегося столетиями» контакта между украинским и русским языками [62, р. 269]. То ли суржик и тряснянка в этом плане разительно отличаются, то ли, утвердив ограниченную глубину тряснянки в рамках белорусистики, в украинистике Г. Хентшель почему-то решил вернуться к своему прежнему мнению о более длительной истории существования суржика (косвенно и тряснянки).

Утверждение о неиспользовании в XIX в. смешанной речи при общении в своем кругу можно поставить под сомнение без проведения специального исследования. Например, в белорусской и украинской литературах хорошо известны пародийные персонажи типа Свирида Голохвостова, Пранцишка Корчевщика или пана Быковского (соответствующие драматические произведения М. Старицкого, К. Каванца и Янки Купалы были созданы в 1880-х – начале 1910-х гг.), одной из особенностей героев было осмеянное авторами стремление применять в своем кругу речь, отличную от речи социального слоя, из которого они вышли. Владение в той или иной степени белорусскими представителями низшего класса русским языком было связано с их социальным продвижением, символизировало его, являлось частью зарождающейся (и ценимой) идентичности данного сословия. В этом смысле у них не было серьезных препятствий к тому, чтобы употреблять русские слова и выражения и в более тесном кругу.

Утверждая довольно строгую последовательность превращения «простой интерференции» XIX в. в стабилизированную белорусско-русскую смешанную речь XX в., Г. Хентшель в статье 2017 г. не приводит фактических подтверждений и не делает ссылок на литературу, за исключением работы о «промежуточном языке» (*interlanguage*) Л. Селинкера. Между тем в докладе 2014 г. и основанной на нем статье 2015 г. в похожем месте давалась ссылка на работу П. Традгилла «Диалекты в контакте» (1986) [25, с. 172; 63].

Данная монография была важной для выработки ответов на первый и второй вопросы, это следует из ссылок на нее в статьях, опубликованных до 2017 г. По крайней мере, мнение Г. Хентшеля о важной роли детей в возникновении стабилизированной смешанной речи появилось под влиянием наблюдений П. Традгилла, который указывал на большую роль детей в диалектном смешении и образовании новых диалектов [63, р. 31].

Тем не менее, по нашему мнению, остаются некоторые вопросы в связи с безоговорочным использованием труда П. Традгилла при выяснении вопросов о времени и способе возникновения трасянки. Представляется, что недостаточно просто заимствовать подходы и некоторые результаты из работы, выполненной на другом материале. Правомочность безусловного применения результатов, полученных П. Традгиллом в процессе изучения белорусско-русского языкового контакта, следовало бы более тщательно обосновать. Ведь между белорусским и английским языками, британской и белорусской ситуацией существуют очевидные и значительные социолингвистические различия¹⁴.

Проецируя британскую ситуацию на Беларусь, Г. Хентшель вслед за П. Традгиллом пишет о том, что для формирования новых диалектов нужно значительное время, равное жизни трех-четырех поколений [64, р. 102]. Однако скорость аккомодации и языкового сдвига у мигрантов может быть очень быстрой, что не позволяет сформироваться новому диалекту. Как показывает опыт мигрантов, приехавших с юга Испании в Мадрид, в речи многих семей, например, андалузские характеристики и формы из Эстремадуры не доживают до третьего поколения и исчезают уже во втором [65, р. 299].

По поводу различия в XIX в. нестабилизированной и стабилизированной смешанной речи можно преимущественно только строить догадки. Ведь устная речь людей XIX в. дошла до нас в виде некоего количества письменных памятников, ценность которых с точки зрения изучения устной речи весьма сомнительна. Записи в это время делались неаккуратно, без использования аудиотехники и совсем не для того, чтобы обнаружить смешанную речь, скорее наоборот. Само возникновение белорусской лингвистики, связанное с именем Е. Карского, стало возможным лишь после того, как он очень подробно проанализировал качество записей, используемых своими предшественниками для лингвистической практики. И качество это сначала было весьма невысоким. Что говорить, например, о точности передачи нюансов произношения записывающими лицами, если даже в простом сегодня вопросе записи обычных звуков у лучших исследователей могла иметь место «замечательная непоследовательность в письме» [66, с. 21]. Тем более низким качество записей будет признано для целей изучения устной речи в ракурсе языкового контакта. Собственно, у нас почти нет достоверных и сопоставимых с современными записей речи людей XIX – начала XX в.

Научные или схожие с ними источники XIX в., трактующие устную речь, немногочисленны и с точки зрения возможности соотносимого с современным изучением устной речи недостаточно исследованы. Ряд примеров суждений подобного рода относительно языка мелкой шляхты наряду с авторскими интерпретациями приведены в работах историка В. Макаревича [34]. Можно, например, обратить внимание на упоминания в 1860-х гг. лингвиста И. Носовича о речи мелкой белорусской шляхты, которая, по его свидетельству, хорошо говорила на белорусском языке, однако как-то нарочито, «только из чванства вбрасывала» в белорусскую речь польские слова. И. Носович при этом указывал, что подобное по-

¹⁴Уже в 1891 г. уровень урбанизации в Англии составлял 72 % и был близок к современному уровню урбанизации в Беларуси. С 1939 по 1990 г. население Минска выросло с 238 до 1624 тыс. человек, т. е. увеличилось на 582 %. Между тем население Лондона в этот же период, наоборот, сократилось с 8,8 до 6,4 млн человек, т. е. на 27 %.

ведение было редкостью [67, с. 254], также, симптоматично, он ничего не написал о влиянии русского языка. Важным здесь является указание на то, что «нечистый» язык мог возникать не ввиду незнания второго языка, но вполне сознательно.

Более интересным с точки зрения изучения феномена белорусско-русского смешения могло бы быть мнение другого исследователя, который в 1880-х гг. указал на существование особого типа белорусского языка, свойственного некоему социальному слою «полуобразованных людей»: писарей, старшин, управляющих, экономов. Этот тип, по его словам, представляет собой «нечто среднее между языком литературным и чисто народным, и ни в каком случае не может быть отождествляем с последним». Вопреки пониманию, что записи особо ценны тогда, когда они сделаны «прямо со слов народа, в которых рассказчик не стеснен традиционными формами» [68, с. 7], автор осознавал, что даже в таких благоприятных ситуациях рассказчик может не в полной мере придерживаться разговорного языка. В качестве подтверждения своему выводу и одновременно развлечения для читателей автор привел письменный документ – письмо помощника волостного писаря своей возлюбленной, дочери фельдшера. В этом письме, написанном «русскими» буквами, изобиловали белорусские слова и формы (*надворье, гармоник, слонце, скакаць польку, вевіорочка, тагды, на поперце, сховав сабе, в кишеню, счира*), но оно, конечно, не может восприниматься как документ, свидетельствующий о навыках устной речи автора. Исходя из этого письма, едва ли можно принять как достоверный общий вывод Н. Янчука о формировании некоего особого типа языка в процессе устного общения, эффект смешения здесь возникает прежде всего благодаря сочетанию тогда еще широко неизвестной письменной формы белорусской речи с использованной в письме орфографией русского языка.

Замечание об этой речевой разновидности, если она действительно существовала, было бы любопытным в том плане, что, отчасти подобно трясянке второй половины XX в., она могла быть ограничена определенной социальной группой и демонстрировала бы прямое движение от белорусской диалектной речи к русскому литературному языку, минуя белорусский литературный язык (которого, если исходить из задач изучения смешанных разновидностей, можно сказать, в то время фактически не было). Эта речевая разновидность, вероятно, бытовала в общении представителей данного слоя с русскоязычными людьми, а также в рамках своей социальной группы, однако нет препятствий предполагать, что она в какой-то мере использовалась и в общении с белорусскоязычными людьми. Ведь навыки смешанной речи в данном случае позволяли демонстрировать свой более высокий социальный статус по сравнению с обычными белорусскоязычными людьми.

Декларируя отказ от термина «трясянка», при обсуждении первого вопроса Г. Хентшель попадает в ловушку, созданную им же. Он почему-то ограничивает белорусско-русскую смешанную речь только тем временным отрезком, в рамках которого, по его мнению, на территории Беларуси были созданы общественные условия для стабилизации ее структур, а также для передачи от поколения к поколению в семьях [27, с. 212]. Между тем в выражении «белорусско-русская смешанная речь» не содержится ничего, что препятствовало бы использованию данного выражения применительно к XIX в., поэтому непонятно, почему ту речь, которая, по мнению руководителя ольденбургского проекта, существовала до стабилизации и передачи от поколения к поколению, нельзя называть смешанной.

Тем не менее мы солидарны с общим пафосом ответа Г. Хентшеля на первый вопрос, утверждающим неприемлемость установления связи между языковым смешением второй половины XX в. и языковым смешением конца XVIII – XIX в.¹⁵ Мы, однако, это делаем по иным причинам, нежели автор статьи «Одиннадцать вопросов и ответов...».

Современная устная речь дана нам в непосредственном наблюдении, нет препятствий для получения разнообразного и качественного материала. Просто говоря, необходимо найти подходящих информантов, позаботиться об устранении парадокса наблюдателя и в правильный момент нажать кнопку диктофона. Совсем иначе обстоят дела с языковым смешением XVIII или XIX в., оно оставило свой след в некотором количестве письменных памятников (чем дальше в глубину времен, тем более скудных и менее надежных письменных памятников).

По крайней мере, на нынешнем этапе изучения трясянки едва ли продуктивно устанавливать непосредственную связь между современной устной и старой письменной речью. Простое сопоставление современной устной коммуникации с письменной речью давало бы неоднозначные результаты. Из старых текстов как минимум пришлось бы «извлечь» их устную, не имеющую отношения к письменности, составляющую, что было бы совсем непросто сделать. Также следовало бы оценить старые тексты на предмет действия в них парадокса наблюдателя, но осуществить это было бы сложно, ведь в XIX в.,

¹⁵Проведение аналогичной связи иногда выглядит как довольно обычная практика в украинистике по отношению к суржyku (см. подробнее [30; 31], но, например, А. Даниленко возводит истоки суржика к началу XX в. [69]).

когда делались записи, еще не было социолингвистики и сопутствующих ей понятий. В любом случае очевидно, что для изучения зафиксированного в письменной форме языкового смешения XIX в., тем более XVIII в., пришлось бы применять совершенно иные методики, которые были бы не похожи на использование при изучении непосредственно наблюдаемой устной коммуникации современников.

Возникновение трасянки как естественного объекта М. Слобода и М. Набелкова довольно точно датируют 1980-ми гг. [70, с. 191; 71, S. 43].

Широкое понимание трасянки как смешения белорусского и русского языков без установления хронологических ограничений, сфер (письменной и устной) и форм этого смешения игнорирует определенный исторический и социальный контекст, в котором трасянка, или, по Хентшелю, белорусско-русская смешанная речь, возникла и функционирует.

Что такое (белорусско-русская) смешанная речь? В первом предложении статьи «Одиннадцать вопросов и ответов...» указано, что трасянка – это некий аналог того, что в рамках настоящего научного дискурса должно называться белорусско-русской смешанной речью. Дело представлено таким образом, будто бы термин «трасянка» является (только) оценочным, стигматизированным, в то время как термин «белорусско-русская смешанная речь» – нейтральным.

Стоит обратить внимание на значение, вкладываемое в определение «смешанная» в рамках понятия «белорусско-русская смешанная речь». Едва ли здесь оно значит ‘состоящая из двух компонентов’. Ведь на двухкомпонентность указывает уже определение «белорусско-русская» и слово «смешанная» здесь лишнее. В данном случае использование этого слова подразумевает, что речь «не “чисто” белорусская» или «не “чисто” русская». Определение «смешанная» в рамках выражения «смешанная речь» предполагает имплицитное соотнесение с чем-то «несмешанным», «чистым» или «правильным». На это обстоятельство в отношении суржика обращает внимание Л. Биланюк [43, S. 28]. И как таковое прилагательное «смешанная» вполне оценочное.

Особый колорит слово «смешанный» получает в рамках белорусской лингвистики. В истории эмансипации белорусского языка существовал период, когда он, сначала безоценочно, а затем с вполне четкой коннотацией квалифицировался в российской лингвистике как смешанный. В белорусском языковом дискурсе существует весьма длительный период избавления белорусского языка от этого клейма. И в этом смысле термин «белорусско-русская смешанная речь» может быть сомнительной заменой термину «трасянка».

Указания на смешанный характер языка (собственно, речи) тех или иных людей, а также характеристика лингвистами состояния некоторых языков на определенных этапах их развития или в целом как смешанных – это давняя традиция. Л. Биланюк напоминает, что в современной лингвистике преобладает мнение, согласно которому существуют чистые, несмешанные языки. Оно восходит к суждениям Й. Г. Гердера и В. Гумбольдта [43, S. 28]. На заре зарождения языкознания характеристика «смешанный» всегда подразумевала негативную оценку. Что касается нового времени, то второе дыхание эта оценка получила в связи с утверждением биологической парадигмы в языкознании XIX в. Заложенные Ф. Соссюром основы современной лингвистики фокусировались на моделировании структуры языка, но не охватывали «беспорядочности ежедневной речи или изменчивых речевых практик» [43, S. 28].

В своей известной статье 1926 г. «О понятии смешения языков» Л. Щерба считал это понятие «одним из самых неясных в современной лингвистике» и утверждал, что «термины “Sprachmischung”, “gemischte Sprache” были введены только в результате реакции на известные представления прошлого века, когда язык рассматривался как некий организм и когда охотно говорили об органическом развитии языка как о единственно законном, в противоположность неорганическим нововведениям, рассматриваемым как болезни языка». Далее Л. Щерба утверждал, что молодое поколение лингвистов уже полностью преодолело этот этап, но «мы еще помним, какое большое значение придавалось в свое время как чистоте расы, так и чистоте языка. Правда, широкая публика и в настоящее время находится еще во власти громких слов [о чистоте языка]» [72, с. 60]. Но стало ли со времен Л. Щербы понятие «смешение языков» более ясным?

По отношению к языку определение «смешанный» специфическим образом употребляется в тех современных социумах, которые особенно сильно подвержены воздействию идеологии стандартного (литературного) языка. Собственно, это определение по отношению к языку само по себе в значительной степени является плодом действия соответствующей идеологии.

По определению Р. Липпи-Грин, идеология стандартного языка – это «уклон в направлении абстрактного, идеализированного, гомогенного разговорного языка, который навязывается свыше и который принимает за свою модель письменный язык. Наиболее заметной чертой является установка на подавление варьирования в любом его виде» [73, p. 166].

Что касается обиходной речи в ареале бытования белорусского языка на разных этапах его существования, то оценка степени ее смешанности должна иметь историческое измерение и предусматривать учет того обстоятельства, что нормативный белорусский язык образовался относительно поздно. Бытующие иногда суждения, в соответствии с которыми язык газеты «Наша ніва» на начальном этапе ее существования представлял собой некую «трасянку», следует квалифицировать как сформулированные на основе бытового, но не научного языка. Такие оценки делаются посредством обратного проецирования, сквозь призму актуального понимания норм современного белорусского литературного языка, которых в начале XX в. просто не существовало. Понятие смешанности на каждом конкретном историческом этапе формировалось именно по отношению к конкретно-исторической, а не к современной ипостаси белорусского языка. Те явления в языке начала XX в., которые могут казаться современным исследователям чертами неприемлемой «трасянки», совсем не обязательно были таковыми в то время. Поскольку на разных этапах своей истории воображаемый и реальный образ белорусского языка был неодинаков, постольку не может быть смешения белорусского языка с русским или любым другим вообще.

Например, белорусский язык образца 1870 г. (это год выхода знаменитого словаря И. Носовича) значительно отличался от белорусского литературного языка 1930-х гг. В первом случае еще совсем мало была представлена интеллектуально-культурная составляющая, возникшая в языке только в 1920-х гг. одновременно с выработкой научной терминологии и оформлением научного стиля. В ситуации 1870 г., когда белорусский язык существовал в основном в народно-разговорной форме и было относительно немного людей, стремящихся использовать вместо него русский (последний еще только начинал проникать в Беларусь), для возникновения и идентификации смешанной речи могло быть не слишком много оснований. Ведь в народно-разговорной форме белорусского языка были в ходу в основном его исконные, естественные, стабильные и хорошо укоренившиеся средства. Совсем иная парадигма смешения возникла, когда в белорусском литературном языке появился новый, значительный, часто искусственный, интеллектуально-культурный пласт, слова «нового культурного происхождения», если использовать выражение И. Волка-Леоновича [74, с. 221]. Средства именно этого неисконного слоя в первую очередь могли служить потенциальным и реальным источником нестабильности и смешения, предметом споров между лингвистами и неспециалистами относительно уместности или неуместности употребления тех или иных слов в языке¹⁶.

У белорусско-русского языкового смешения 1920-х гг., в свою очередь, будут не совсем сходные критерии со смешением, происходившим, например, в 1970-х гг. и т. д. Ограничимся только одним красноречивым примером. В книге такого образцового автора, как К. Мицкевич (Якуб Колас), «Методика родного языка» («Мэтодыка роднае мовы») 1927 г. употреблялись следующие слова: *аб'ясніць, аддзелны, адмеціць, адшуківаць, аставацца, астанаўка, ахвачаны, буква, бяседа, выясняць (пачаткі), дзяржаць, заметна, замяцаць, заняці (на мове), нашчот, незаметны, падгатаўляць, прадпалагаць, прадстаўленне* 'представление', *расказ, следаваць, стала быць, староннік, схватваць, труднасць, трудны, трэбаванне, уясніць, цялежка* [75]. В 1970-х гг. (впрочем, даже уже в 1950-х гг.) все они оказались за пределами нормативных словарей, а в наши дни наверняка были бы отнесены к неприемлемой трасянке.

Смешение в рамках конкретного исторического периода не должно квалифицироваться по тем же критериям, по каким оно будет идентифицироваться в рамках другого периода.

Кроме того, обиходная белорусская речь всегда весьма вольно обращалась и обращается с необходимостью строго придерживаться зафиксированных в грамматиках и словарях белорусского языка норм хотя бы потому, что обиходная речь главным образом служит средством коммуникации, а не, например, инструментом нормализации. Отдельного внимания заслуживает ситуация, когда нормы белорусского языка еще не были зафиксированы в грамматиках и словарях, поскольку по-настоящему проблема языкового смешения стала ощутимой для белорусской лингвистики не ранее, чем лексические и грамматические нормы были отражены в них, а также возникла дисциплина «Культура речи». Это произошло только в 1920-х гг., если не позже, ведь даже в рамках Пражского лингвистического кружка эта дисциплина появилась только в начале 1930-х гг.

Существует немало свидетельств того, что со времени оформления норм литературного языка они тем не менее с неодинаковым успехом применялись в живом неформальном общении. Приведем следующий показательный пример.

На академической конференции 1926 г. во время обсуждения вопроса о необходимости передавать на письме сильное яканье И. Волк-Леонович дважды сослался на свои наблюдения над манерами произношения некоторых членов конференции, в том числе и инициатора такого предложения Я. Лёсика.

¹⁶В статье «Одиннадцать вопросов и ответов...» в качестве одного из выводов находим предсказуемое наблюдение, что в трасянке белорусский язык наиболее сильно может удерживаться «в части базисной лексики» [27, с. 231].

Он обнаружил, что по крайней мере у трех ораторов, и у самого Я. Лёсика, такая черта фиксировалась только спорадически. Кроме того, он заметил у некоторых мэтров тогдашней лингвистики в качестве рутинного явления нарушения и других (не принятых в то время, но тем не менее подразумеваемых как общеизвестные) произносительных норм [74, с. 240, 282]. Между прочим, конференция была местом, где для обсуждения норм белорусского языка собрались едва ли не все самые лучшие тогдашние его знатоки. Вне сомнения, речевая практика людей, не связанных с лингвистикой, в бытовых ситуациях была еще менее унифицированной.

А. Подлужный неоднократно указывал на то, что в Беларуси разговорная форма белорусского литературного языка не развита [76, с. 7, 14]. На то, что в славянских языках, имеющих тесную связь между литературной формой и диалектной базой, не возникает четко оформленной разговорно-обиходной разновидности, указывал Н. Толстой [77, с. 20]. Следует упомянуть также мысль Дж. Дингли о том, что в Беларуси ни на одном из двух языков не говорят на должном уровне [78, р. 186], и взгляд С. Густавссона, согласно которому в Беларуси есть только очень немногие двуязычные белорусы, которые говорят на обоих языках без интерференции [38, р. 54]. В соответствии с мнением С. Густавссона в Беларуси близкое сходство языков превратило интерференцию во «взаимную черту обоих языков» [37, S. 1924]. Из таких суждений следует, что в воображении лингвистов, формулирующих подобные выводы (а таковы все «нормативные» лингвисты), на самом деле существует представление о некоем идеализированном нормативном языке, в отношении которого и делаются те или иные заключения.

В связи с этим следует признать, что белорусская речь всегда была и остается в той или иной степени «смешанной». В XIX в. она могла быть смешанной в том смысле, что тогда еще не существовало никаких кодифицированных норм белорусского литературного языка, препятствующих выходу говорящих на нем за его рамки. Например, исследователь белорусских пословиц М. Гринблат утверждал, что произведения этого жанра «пестрят» лексикой, которая попала в них «в процессе взаимообогащающих отношений с другими народами» [79, с. 45]. В начале XX в. нормализующие стремления были иногда настолько нечеткими, что даже язык главной возрожденческой газеты «Наша ніва» иногда квалифицируется авторами XXI в. как трясанка (совершенно неприемлемый с точки зрения нормы). В 1920–30-х гг. обиходная речь могла быть смешанной потому, что установленная в 1918–1933 гг. (часто вполне нестрогая) кодификация еще не могла обуздать все проявления народной стихии. Кроме того, часть этой кодификации противоречила некоторым фундаментальным представлениям о специфике белорусского языка (например, написание и произношение *д* и *т* в иностранных словах). К тому же нередко такая регламентация носила пуристический характер. Но эта старая разновидность вполне распространенной обиходной устной белорусской речи смешанной не считалась по причине еще недостаточно развитого в то время языкового сознания (более того, ее смешанный характер, как понимаем, может быть оспорен). А вот более поздняя разновидность этой речи такое определение имеет.

В данной ситуации возникает вопрос о смысле выделения определения «смешанный» в выражении «белорусско-русская смешанная речь».

Можем не сомневаться, что наряду со словосочетанием «белорусско-русская смешанная речь» (*weißrussisch-russische gemischte Rede*) в научном обиходе употребляется и выражение «смешанная белорусско-русская речь» (*gemischte weißrussisch-russische Rede*), где определение «смешанная» не является неким «дублером» члена «белорусско-русская», а выносится на законное первое место, что заметно в немецкоязычных публикациях даже на уровне названий отдельных статей [13; 48; 80].

Смысл такого оценочного выделения, например, мог бы заключаться в том, что, будучи негативно окрашенным, оно подчеркивает некую экологически нравственную семиотику действия, направленного на изучение смешанной речи. Трясанка, так сказать, является результатом сдвига от белорусского языка к русскому, свидетельством угасания белорусского языка, поэтому, изучая трясанку, мы на этот сдвиг указываем. Нравственное измерение в процессе проведения исследований малых языков, как известно, может (и даже должно) иметь место. Но вряд ли такое объяснение подходит к нашему случаю.

В данной ситуации смысл такого выделения состоит, вероятно, в том, что при обращении к речевому материалу, в соответствии с канонами идеологии стандартного языка, присущей то ли германской, то ли белорусской национальной лингвистической традиции, предполагается наличие некоего образа правильного, стандартного (белорусского или любого другого) языка, сквозь призму которого квалифицируется и оценивается речевая действительность. Более всего это заметно на примере установления белорусских, русских, общих и гибридных элементов в процессе анализа конкретного речевого материала в белорусско-русской смешанной речи.

Что в трясанке белорусское, а что – русское? Уже отмечалось, что методологические основы ольденбургского проекта разработаны с особенной тщательностью [8; 28]. Н. Мечковская даже высказала

предположение, что для столь специфического исследования разработка метода может быть «и важнее, и интереснее результатов» [28, с. 247]. Вообще, методологические основания ольденбургского проекта заслуживают отдельной публикации, здесь предлагаются только некоторые короткие ремарки.

Вынесенное в заглавие этой части нашей статьи разграничение обсуждалось Г. Хентшелем неоднократно [10; 50, S. 179–188]. Автор статьи «Одиннадцать вопросов и ответов...» не останавливается на этом вопросе подробно, упоминает только, что различие белорусского и русского в языковом материале совершалось на «лингвистических» [27, с. 210] основаниях.

В публикации [50, S. 179], в разделе «О методике: что в трасянке белорусское, а что русское», есть ссылки на работу А. Супруна 1987 г. об обучении русскому языку в белорусской школе [81] и на статью Т. Рамзы (в тот момент еще не опубликованную) об эволюции трасянки в литературных текстах [19]. Но в этих работах нет сколько-нибудь разработанной методологии проведения количественного анализа (впрочем, А. Супрун высказывал сожаление, что такой подход не разработан, а Т. Рамза представила некоторые количественные подсчеты). В разделе нет никаких других ссылок на литературу и, соответственно, нет указаний на прецеденты использования каких-либо похожих методик, использовавшихся в других работах. Как кажется, методология ольденбургского проекта была выработана без привлечения прецедентов, в значительной степени исходя из соображений здравого смысла. Все же такое использование кажется желательным.

Наше внимание привлекла работа К. Вулард 1987 г. о переключении кодов в комедийных представлениях одного известного барселонского комика [82]. Это исследование может представлять интерес в том плане, что по отношению к квалификации языка этого артиста, часто умышленно переключавшегося с каталанского на испанский язык и наоборот, часть слушателей прибегали к формулировке «нельзя определить, на каком языке он говорит», а также потому, что автор привела некоторые собственные подсчеты.

В своей статье К. Вулард определила, что 80 % юмористических нарративов комика Эугенио базируются на испанском языке, 20 % – на каталанском. Такое членение было сделано на основе подсчета слов во всем корпусе. При этом морфологически интегрированные в испанский язык лексемы каталанского происхождения были подсчитаны как заимствования, а неинтегрированные слова (которые также можно было бы отнести к обычным заимствованным испанским сообществом словам) – как переключения кодов. Относительно многочисленных слов, которые могли бы быть одинаково каталанскими или кастильскими, принят следующий подход: слово считалось испанским, если предшествующее ему слово, а также следующее за ним было испанским, слово считалось каталанским, если предшествующее ему и следующее за ним слова определенно были каталанскими. В тех случаях, когда слова могли казаться одинаково испанскими и каталанскими, они были зачтены в отдельную категорию сомнительных. Количество таких слов оказалось небольшим [82, с. 108, 119–120].

Обращает на себя внимание разница со способом калькуляции, используемым в рамках ольденбургского проекта. Она проявилась в следующем:

- для К. Вулард оказалась важной такая единица измерения, как нарратив, и, как кажется, уже на первой стадии был определен основной язык выступлений артиста;
- при обработке материала учитывалась такая категория, как (морфологически) интегрированные и неинтегрированные слова;
- в работе о переключении кодов в Барселоне иначе были обработаны общие для обоих языков слова, которых в итоге оказалось немного;
- в статье К. Вулард отсутствуют какие бы то ни было ссылки на грамматические кодексы либо нормативные словари каталанского и испанского языков¹⁷.

По нашему мнению, как минимум вопрос интегрированности vs неинтегрированности тех или иных белорусских явлений в русский язык белорусов, а также русских явлений в белорусский язык белорусов при разработке проблем трасянки мог бы иметь значение.

По-видимому, есть очевидная проблема в том, что к исследованию свободной в своем проявлении белорусской смешанной речи большинство авторов приступают, вооружившись до зубов лингвистическими кодексами, вобравшими в себя плоды существующей языковой идеологии. Неоднократно разными авторами указывалось, что двуязычие не состоит из двух отдельных «моноязычий» и в его рамках каждый одноязычный компонент в той или иной степени претерпевает трансформацию. В этом смысле нормативные лингвистические кодексы тех или иных языков не обязательно являются безупречным мерилем при исследовании смешанной речи, имеющей значительную тенденцию к тому,

¹⁷В статье ольденбургского автора «О белорусско-русской гибридности в белорусской “трасянке”» [50] такого рода позиции составляют одну шестую часть списка литературы.

чтобы восприниматься в обществе как некий «язык». Подход, в соответствии с которым при обработке и атрибуции языкового материала реализуется последовательная тотальная опора на лингвистические справочники, может оцениваться как узколингвистический (и потому недостаточно социолингвистический). Самостоятельной проблемой может являться то обстоятельство, что стремление обеспечить точное соблюдение количественного подхода среди прочего может дать результатом адаптацию к возможностям имеющей свои имманентные ограничения методологии всего исследования, редуцированный либо чрезмерно упрощенный подход при решении некоторых сложных вопросов. По этому поводу Н. Мечковская замечала, что для ольденбургского исследования иногда «выдержанность метода... важнее реальности» [28, с. 246].

Конечно, то обстоятельство, что во время обработки материала каждая из 380 тыс. словоформ и каждое высказывание были однозначно идентифицированы как белорусские, русские, общие либо гибридные, вызывает восхищение. Но ровно это же обстоятельство может также вызывать и недоверие, потому что как минимум иногда такая идентификация затруднительна.

Как утверждает Л. Мадсен, в последние годы под влиянием осознания того обстоятельства, что иногда говорящие в своей речевой практике обращаются к любым доступным им языковым ресурсам (и такие ресурсы не обязательно соотносятся с определенными разновидностями и языками), в некоторых социолингвистических работах наметилась тенденция переоценки ограничений и идеологических импликаций, присущих таким традиционным для лингвистики понятиям, как язык или разновидность. В ряде работ показано, что эти концепции есть скорее «репрезентации языковых идеологий, нежели языковой практики» [84, р. 41]. В методологическом плане эти труды могут опираться на инициированное М. Бахтиным в 1930-х гг. понятие разноречия. В любом случае тщательно разработанная и иногда, кажется, замкнутая в пределах нормативной лингвистики методология лингвистической части ольденбургского проекта требует критического осмысления.

Заключение

Посвященный изучению трясянки ольденбургский проект явил собой образец оригинального инновационного исследования материи, ранее мало изучавшейся в белорусском языкознании. Ввиду своей значимости данный проект имел кумулятивный эффект, он оживил и (или) стимулировал изучение трясянки в Беларуси и за ее пределами. В рамках славистики ольденбургское исследование продемонстрировало достижения современной количественной методологии и оказалось в центре внимания представителей разных национальных лингвистических традиций, методологических школ и конкретных исследовательских подходов. Настоящим вызовом для белорусского языкознания стало обращение германских коллег к богатому эмпирическому материалу, представленному в виде корпуса белорусско-русской смешанной речи, обработанного с помощью количественной методологии. Статья руководителя проекта Г. Хентшеля «Одиннадцать вопросов и ответов...» подводит итог не только ольденбургскому проекту, но и всему предыдущему изучению трясянки. Одновременно эта работа показывает, что в рамках проекта были разработаны не все существенные проблемы трясянки и что на данном этапе исследования значение могут иметь дальнейший поиск, не в полной мере опирающиеся на эмпирический материал суждения, а также дискурс, основанный на анализе дискурса других авторов.

В процессе разработки методологии количественного анализа трясянки не были должным образом учтены все важные параметры, имеющие значение для адекватного понимания данного феномена. Стремление обеспечить пунктуальное соблюдение количественного подхода было продуктивным для методологии не всегда могло содействовать решению других важных вопросов. Открытым остается вопрос о надлежащей согласованности в рамках проекта количественного и качественного подходов. К сожалению, в тени остались вопросы идентификации трясянки, отграничивающей ее от других белорусских речевых разновидностей с вероятным изобилием проявлений языкового контакта (диалектная, разговорная речь).

Представляется неудачным отказ руководителя проекта по истечении нескольких лет от использования термина «трясянка» в пользу не вполне эквивалентного и также содержащего оценочный компонент выражения «белорусско-русская смешанная речь».

Постулированию зарождения трясянки в XVIII в., справедливо оспариваемому Г. Хентшелем, препятствует как отсутствие надежных сведений об устной речи в конце XVIII – XIX в., так и другие методологические затруднения, связанные с тем обстоятельством, что на протяжении этого и особенно последующего времени белорусский язык, в отношении которого формируются представления о трясянке, не имел стабильной формы и пребывал в постоянной динамике. Само определение какой-либо

разновидности белорусской речи как смешанной ученым сообществом и (или) значительной частью общества невозможно без утверждения дискурса о литературных языках с присущим ему понятием нормы, возникновения и социализации дисциплины «Культура речи», а также более или менее развитого национального самосознания.

Библиографические ссылки

1. Запрудски С. Некоторые заўвагі аб вывучэнні «трасянку», або Выклікі для беларускіх гуманітарных і сацыяльных навук. *Arche Пачатак*. 2009;11–12(86–87):157–200.
2. Zaprudski S. Zur öffentlichen Diskussion der weißrussischen Sprachkultur, zum Aufkommen des Terminus «Trasjanka» und zur modernen Trasjankaforschung. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 119–141.
3. Woolhiser C. The sociolinguistic study of language contact and bilingualism in the former Soviet Union: the case of Belarus. In: Harlig J, Pléh C, editors. *When East met West: Sociolinguistics in the former socialist bloc*. Berlin: Mouton de Gruyter; 1995. p. 63–88.
4. Цыхун ГА. Трасянка як аб’ект лінгвістычнага даследавання. У: Прыгодзіч МР, рэдактар. *Беларуская мова ў другой палове XX стагоддзя. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 22–24 кастрычніка 1997 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БДУ; 1998. с. 83–89.
5. Цыхун Г. Крэалізаваны прадукт. Трасянка як аб’ект лінгвістычнага даследавання. *Arche Пачатак*. 2000;6(11):51–58.
6. Мячкоўская НБ. Трасянка ў кантынууме беларуска-рускіх ідыялектаў: хто і калі размаўляе на трасянцы? *Веснік БДУ. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 2007;1:91–97.
7. Рамза Т. Трасянка: нацыянальна-працэдэнтны феномен или «ключевое слово текущего момента»? *Беларуская думка*. 2010;7:112–116.
8. Мячкоўская НБ. У лінгвістычнай лабараторыі прафесара Генчэля: метады і вынікі даследавання трасянку. *Веснік БДУ. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 2013;2:62–69.
9. Stern D. Review of: Hentschel G, Taranenko A, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* (Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. 394 p.). *Acta Slavica Iaponica*. 2017;38:133–144.
10. Генчэль Г, Тэш С. Трасянка: у якой ступені яна «руская», «беларуская» або «агульная»? (На матэрыяле маўленчай практыкі адной сям’і). *Веснік БДУ. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 2007;1:85–91.
11. Hentschel G, Zaprudski S, editors. *Belarusian trasjanka and Ukrainian Suržyk: structural and social aspects of their description and categorization*. Oldenburg: BIS; 2008. 133 p.
12. Hentschel G, editor. *Variation und Stabilität in Kontaktvarietäten: Beobachtungen zu gemischten Formen der Rede in Weißrussland, der Ukraine und Schlesien*. Oldenburg: BIS; 2013. 107 S.
13. Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. 394 S.
14. Tesch S. *Syntagmatische Aspekte der weißrussisch-russischen gemischten Rede: Kodemischen und Morphosyntax*. Oldenburg: BIS; 2014. 268 S.
15. Zeller JP. *Phonische Variation in der weißrussischen «Trasjanka». Sprachwandel und Sprachwechsel im weißrussisch-russischen Sprachkontakt*. Oldenburg: BIS; 2015. 491 S.
16. Menzel Th, Hentschel G. *Flexionsmorphologische Irregularität im innerslavischen Sprachkontakt. Sprachinhärente Präferenzen oder politisch-soziale Dominanz: Russisch vs Weißrussisch / Ukrainisch-Polnisch vs Kaschubisch / Lemkisch*. Frankfurt am Main: Peter Lang; 2017. 371 S.
17. Kittel B, Lindner D, Brüggemann M, Zeller JP, Hentschel G. *Sprachkontakt – Sprachmischung – Sprachwahl – Sprachwechsel. Eine sprachsoziologische Untersuchung der weißrussisch-russisch gemischten Rede «Trasjanka» in Weißrussland*. Frankfurt am Main: Peter Lang; 2018. 338 S.
18. Cychun H. Soziolinguistische, soziokulturelle und psychologische Grundlagen gemischten Sprechens. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 163–172.
19. Ramza T. Die Evolution der Trasjanka in literarischen Texten. *Zeitschrift für Slawistik*. 2008;53(3):305–325. DOI: 10.1524/slzw.2008.0022.
20. Клімаў ІП. Трансфармацыя беларускіх дыялектаў: тэарэтычныя перспектывы даследавання. У: Антропаў МП, рэдактар. *Беларуская мова ў культурнай і моўнай прасторы Слав’і. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 24–25 лістапада 2009 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Права і эканоміка; 2009. с. 250–254.
21. Mečkovskaja NB. Die weißrussische Trasjanka und der ukrainische Suržyk: Quasi-ethnische, russifizierte Substandards in der Geschichte der sprachlichen Situation. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 53–90.
22. Klima I. Trasjanka und Halbdialekt: Zur Abgrenzung von Phänomenen der *parole* und der *langue*. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 173–192.
23. Liankevič A. Die Einstellung zu den gemischten sprachlichen Kodes in Weißrussland (am Material eines matched guise-Tests). In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 233–252.
24. Цыхун Г. *Штудыі пра «трасянку»*. Oldenburg: BIS; 2013. 53 с.

25. Хентшель Г. Белорусско-русская смешанная речь («трасянка»): восемь вопросов и ответов. В: Белорусский государственный университет. *Языковой контакт*. Минск: РИВШ; 2015. с. 171–186.
26. Hentschel G. Eleven questions and answers about Belarusian-Russian mixed speech («trasyanka»). *Russian Linguistics*. 2017;41(1):17–42. DOI: 10.1007/s11185-016-9175-8.
27. Хентшель Г. Одиннадцать вопросов и ответов по поводу белорусской «трасянки». *Русский язык в научном освещении*. 2017;1(33):209–250.
28. Мечковская НБ. Белорусская «трасянка» как яблоко раздора и как оселок метода. *Русский язык в научном освещении*. 2018;1(35):226–250.
29. Баркович АА. Русско-белорусская межязыковая интерференция и трасянка: компьютерно-опосредованная верификация и научная рефлексия. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2021;69:5–28.
30. Масенко Л. Суржик: історія формування, сучасний стан, перспективи функціонування. In: Hentschel G, Zaprudski S, editors. *Belarusian Trasyanka and Ukrainian Suržyk: structural and social aspects of their description and categorization*. Oldenburg: BIS; 2008. p. 1–37.
31. Moser M. How it all began: Ukrainian-Russian «surzhyk» in eighteenth-century sources from the Hetmanate. In: *New contributions to the history of the Ukrainian language*. Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press; 2016. p. 138–168.
32. Бестерс-Дилгер Ю. Конвергенция и дивергенция славянских языков. Влияние социолингвистических факторов в прошлом и современности. V: Kurek H, редактор. *Języki słowiańskie w ujęciu socjolingwistycznym: prace przygotowane na XV Międzynarodowy Kongres Slawistów; 20–27 sierpień 2013; Mińsk, Belarus*. Kraków: Księgarnia Akademicka; 2012. s. 9–22.
33. Михневич АЕ, редактор. *Русский язык в Белоруссии*. Минск: Наука и техника; 1985. 272 с.
34. Макарэвіч В. Мова дробнай шляхты Беларусі ў XIX ст. *Studia Białorusinistyczne*. 2012;6:255–263.
35. Bieder H. Die weißrussisch-russische Mischsprache (Trasyanka) als Forschungsproblem. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasyanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 91–118.
36. Bilaniuk L. A typology of surzhyk: mixed Ukrainian-Russian language. *International Journal of Bilingualism*. 2004;8(4):409–425. DOI: 10.1177/13670069040080040101.
37. Gustavsson S. Byelorussia. In: Goebel H, Nelde PH, Starý Z, Wölck W, editors. *Kontaktlinguistik: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Band 2*. Berlin: de Gruyter Mouton; 1997. S. 1919–1926.
38. Gustavsson S. Belarus: a multilingual state in Eastern Europe. In: Gustavsson S, Runblom H, editors. *Language, Minority, Migration. Yearbook 1994/1995 from the Centre for Multiethnic Research*. Uppsala: Centre for Multiethnic Research; 1995. p. 39–74.
39. Хентшель Г. О работе Комиссии по языковым контактам при Международном комитете славистов. В: Дуличенко А, Густавссон С, Данн Дж, редакторы. *Slavica Tartuensia VII. Славянские литературные микроязыки и языковые контакты. Материалы Международной конференции, организованной в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном комитете славистов; 15–17 сентября 2005 г.; Тарту, Эстония*. Тарту: Тартуский университет; 2006. с. 17–21.
40. Головкин ЕВ. Переключение кодов или новый код? *Труды факультета этнологии*. 2001;1:298–316.
41. Зінкевич А, Преннер МК, Kittel B, Lindner D, Brüggemann M, Zeller JP, Hentschel G. Sprachkontakt – Sprachmischung – Sprachwahl – Sprachwechsel. Eine sprachsoziologische Untersuchung der weißrussisch-russisch gemischten Rede «Trasyanka» in Weißrussland. *Мовознавство*. 2019;5:73–79.
42. Jaspers J. Diglossia and beyond. In: Garcia O, Flores N, Spotti M, editors. *The Oxford handbook of language and society*. Oxford: Oxford University Press; 2017. p. 179–198.
43. Bilaniuk L. Conflicting epistemologies in the study of mixed languages. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasyanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 27–30.
44. Hentschel G, Tesch S. «Trasyanka»: Eine Fallstudie zur Sprachmischung in Weißrussland. In: Stern D, Voss Chr, editors. *Marginal Linguistic Identities. Studies in Slavic contact and borderland varieties*. Wiesbaden: Harrassowitz; 2006. S. 213–243.
45. Stern D. Die Trasyanka und die Regiolektalisierung des Russischen in Weißrußland. *Zeitschrift für Slawistik*. 2013;58(2):169–192.
46. Hentschel G, Zeller JP. Gemischte Rede, gemischter Diskurs, Sprechertypen: Weißrussisch, Russisch und gemischte Rede in der Kommunikation weißrussischer Familien. *Wiener Slawistischer Almanach*. 2012;70:127–155.
47. Martinet A. La double articulation linguistique. *Travaux du cercle linguistique de Copenhague*. 1949;5:30–37.
48. Хенцель Г. Некоторые различия и сходства в смешанной белоруско-русской речи в разных белорусских городах и у разных говорящих. У: Запрудскі СМ, Цыхун ГА, рэдактары. *Новае слова ў беларусістыцы. Мовазнаўства*. Мінск: Чатыры чвэрці; 2012. с. 220–232.
49. Хентшель Г. Белорусский, русский и белорусско-русская смешанная речь. *Вопросы языкознания*. 2013;1:53–76.
50. Hentschel G. Zur weißrussisch-russischen Hybridität in der weißrussischen «Trasyanka». In: Kosta P, Weiss D, editors. *Slavistische Linguistik 2006/2007: Referate des XXXII Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens, Männedoff bei Zürich, 18–20 September 2006, und Referate des XXXIII Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens, Potsdam 4–6 September 2007. Gerd Freidhof ruz 65. Geburtstag gewidmet*. München: Otto Sagner; 2008. S. 169–219.
51. Chambers J. Sociolinguistics of immigration. In: Britain D, Cheshire J, editors. *Social Dialectology. In honour of Peter Trudgill*. Amsterdam: John Benjamins; 2003. p. 97–114.
52. Matras Y. *Language contact*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. 366 p.
53. Hentschel G. Zwischen Variabilität und Regularität, «Chaos» und Usus: Zu Lautung und Lexik in der weisrussisch-russischen gemischten Rede. In: Hentschel G. *Variation und Stabilität in Kontaktvarietäten. Beobachtungen zu gemischten Formen der Rede in Weißrussland, der Ukraine und Schlesien*. Oldenburg: BIS; 2013. S. 63–99.
54. Хентшель Г. Регулярная вариативность или «хаос»: вопрос об узусе смешанной языковой разновидности на примере белорусской «трасянки». *Вопросы языкознания*. 2016;6:84–112.
55. Хентшель Г. Белорусская «трасянка» и украинский «суржик»: о основных различиях в степени влияния русского языка. *Przegląd Rusycystyczny*. 2018;2(162):190–206.

56. Hentschel G, Kittel B. Weißrussische Dreisprachigkeit? Zur sprachlichen Situation in Weißrussland auf der Basis von Urteilen von Weißrussen über die Verbreitung «ihrer Sprachen» im Lande. *Wiener Slawistischer Almanach*. 2011;67:107–135.
57. Bieder H. Die gegenwärtige sprach- und kulturpolitische Entwicklung in Weißrußland. *Die Welt der Slaven*. 1992;37:142–168.
58. Auer P. Europe's sociolinguistic unity, or: A typology of European dialect/standard constellations. In: Delbecq N, van der Auwera J, Geeraerts D, editors. *Perspectives on variation: sociolinguistic, historical, comparative*. Berlin: Mouton de Gruyter; 2005. p. 7–42. DOI: 10.1515/9783110909579.7.
59. Bullock BE, Toribio AJ. Themes in the study of code-switching. In: Bullock BE, editor. *The Cambridge handbook of linguistic code-switching*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. p. 1–17.
60. Hentschel G. Die weißrussische «Trasjanka» und der ukrainische «Suržyk»: grundlegende quantitativ-qualitative soziolinguistische Ähnlichkeiten und Unterschiede. In: Kempgen S, Wingender M, editors. *Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress Belgrad 2018*. Wiesbaden: Harrassowitz; 2018. S. 127–138.
61. Auer P. Language mixing and language fusion: when bilingual talk becomes monolingual. In: Besters-Dilger J, Dermarkar C, Pfänder S, Rabus A, editors. *Congruence in contact-induced language change. Language families, typological resemblance, and perceived similarity*. Berlin: de Gruyter; 2014. p. 294–333. DOI: 10.1515/9783110338454.294.
62. Hentschel G, Taranenko O. Bilingualism or tricolalism: Ukrainian, Russian and «Suržyk» in Ukraine. Analysis and linguistic-geographical mapping. *Die Welt der Slaven*. 2021;66(2):268–299.
63. Trudgill P. *Dialects in contact*. Oxford: Blackwell; 1986. 174 p.
64. Hentschel G. On the development of inflectional paradigms in Belarusian trasjanka: the example of demonstrative pronouns. In: Hentschel G, Zaprudski S, editors. *Belarusian trasjanka and Ukrainian suržyk. Structural and social aspects of their description and categorization*. Oldenburg: BIS; 2008. p. 99–133.
65. Moreno FF, Moreno FJ. Madrid perceptions of regional varieties in Spain. In: Long D, Preston D, editors. *Handbook of perceptual dialectology. Volume 2*. Amsterdam: John Benjamins; 2002. p. 295–320.
66. Крывіцкі АА. Спадчына Я. Ф. Карскага па беларускай дыялекталогіі. *Беларуская лінгвістыка*. 1982;21:18–24.
67. Носович ИИ. Воспоминания моей жизни. *Неман*. 1997;4:194–254.
68. Янчук НА. *По Минской губернии (заметки из поездки в 1886 году)*. Москва: Типография А. Левенсон и К°; 1889. 130 с.
69. Danylenko A. Iazychie and Surzhyk: Mixing languages and identities in the Ukrainian borderlands. In: Kamusella T, Noma-chi M, Gibson C, editors. *The Palgrave handbook of Slavic languages, identities and borders*. London: Palgrave Macmillan; 2016. p. 81–100.
70. Слобада М. Катэгорыі «трасянка» і «českoslovenština» як дыскурсіўныя аб'екты: іх паходжанне і ўжыванне ў сучасных беларуска-расейскім і славацка-чэшскім дыскурсах. У: Запрудскі СМ, Цыхун ГА, рэдактары. *Мовазнаўства. Матэрыялы IV Міжнароднага кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў кантэксце культур еўрапейскіх краін»; 6–9 чэрвеня 2005 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Лімарыус; 2010. с. 190–200.
71. Nábělková M, Sloboda M. «Trasjanka» and «Českoslovenčina» (Czechoslovak) as discursive emic categories: history and current usage. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 31–52.
72. Щерба ЛВ. *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград: Наука; 1974. 427 с.
73. Lippi-Green R. Accent, standard language ideology, and discriminatory pretext in the courts. *Language in society*. 1994; 23(2):163–198.
74. Некрашэвіч С, Ігнатойскі У, рэдактары. *Працы Акадэмічнае канферэнцыі па рэформе беларускага правапісу і азбукі; 14–21 лістапада 1926 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Інстытут беларускай культуры; 1927. 432 с.
75. Міцкевіч К. *Методыка роднае мовы*. Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі; 1926. 139 с.
76. Падлужны АІ. Уступ. У: Бурлыка ВР, Бурлыка ІР, Выгонная ЛТ, Лосік ГВ, Падлужны АІ, Русак ВП і інш. *Вусная беларуская мова*. Мінск: Навука і тэхніка; 1990. с. 3–18.
77. Толстой НИ. *История и структура славянских литературных языков*. Москва: Наука; 1988. 239 с.
78. Dingley J. Ukrainian and Belorussian – a testing ground. In: Kirkwood M, editor. *Language planning in the Soviet Union*. London: Palgrave Macmillan; 1989. p. 174–189.
79. Грынблат МЯ. Прыказкі і прымаўкі. У: Фядосік АС, рэдактар. *Прыказкі і прымаўкі. Том 1*. Мінск: Навука і тэхніка; 1976. с. 5–48.
80. Hentschel G, Brandes O. Zur Morphologie der anaphorischen Pronomen in der gemischten weißrussisch-russischen Rede. In: Berger T, Giger M, Kurth S, Mendoza I, editors. *Von grammatischen Kategorien zu sprachlichen Weltbildern – die Slavia von der Sprachgeschichte bis zur Politsprache*. München: Kubon & Sagner; 2009. S. 199–214.
81. Супрун АЕ. *Содержание обучения русскому языку в белорусской школе*. Минск: Вышэйшая школа; 1987. 228 с.
82. Woolard KA. Codeswitching and Comedy in Catalonia. *IPrA Papers in Pragmatics*. 1987;1(1):106–122. DOI: 10.1075/iprapip.1.1.04woo.
83. Madsen LM. Heteroglossia, voicing and social categorisation. In: Blackledge A, Creese A, editors. *Heteroglossia as practice and pedagogy*. Heidelberg: Springer; 2014. p. 41–58. DOI: 10.1007/978-94-007-7856-6_3.

References

1. Zaprudski S. [Some remarks about the research of trasjanka or Challenges for Belarusian humanitarian and social sciences]. *Arche Pachatak*. 2009;11–12(86–87):157–200. Belarusian.
2. Zaprudski S. Zur öffentlichen Diskussion der weißrussischen Sprachkultur, zum Aufkommen des Terminus «Trasjanka» und zur modernen Trasjankaforschung. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 119–141.
3. Woolhiser C. The sociolinguistic study of language contact and bilingualism in the former Soviet Union: the case of Belarus. In: Harlig J, Pléh C, editors. *When East met West: Sociolinguistics in the former socialist bloc*. Berlin: Mouton de Gruyter; 1995. p. 63–88.

4. Cychun HA. [Trasyanka as an object of linguistic study]. In: Pryhodzie MR, editor. *Belaruskaja mova w drugoj palove XX stogoddzja. Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi*; 22–24 kastychnika 1997 g.; Minsk, Belarus [Belarusian language in the second half of the 20th century. Proceedings of the International scientific conference; 1997 October 22–24; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 1998. p. 83–89. Belarusian.
5. Cychun H. [The creolised product. Trasyanka as an object of linguistic study]. *Arche Pachatak*. 2000;6(11):51–58. Belarusian.
6. Mjachkowskaja NB. [Trasyanka in the continuum of Belarusian-Russian idiolects: who and when speaks trasyanka?]. *Vesnik BDU. Seryja 4. Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2007;1:91–97. Belarusian.
7. Ramza T. [Trasyanka: national and precedent phenomenon or «key word of the present moment»?]. *Belaruskaja dumka*. 2010;7:112–116. Russian.
8. Mjachkowskaja NB. [In a linguist laboratory of professor Hentschel: methods and results of trasyanka study]. *Vesnik BDU. Seryja 4. Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2013;2:62–69. Belarusian.
9. Stern D. Review of: Hentschel G, Taranenko A, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* (Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. 394 p.). *Acta Slavica Iaponica*. 2017;38:133–144.
10. Hentschel G, Tesch S. [Trasyanka: to what degree is it «Russian», «Belarusian» or «common»?]. *Vesnik BDU. Seryja 4. Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2007;1:85–91. Belarusian.
11. Hentschel G, Zaprudski S, editors. *Belarusian trasyanka and Ukrainian suržyk: structural and social aspects of their description and categorization*. Oldenburg: BIS; 2008. 133 p.
12. Hentschel G, editor. *Variation und Stabilität in Kontaktvarietäten: Beobachtungen zu gemischten Formen der Rede in Weißrussland, der Ukraine und Schlesien*. Oldenburg: BIS; 2013. 107 S.
13. Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. 394 S.
14. Tesch S. *Syntagmatische Aspekte der weißrussisch-russischen gemischten Rede: Kodemischen und Morphosyntax*. Oldenburg: BIS; 2014. 268 S.
15. Zeller JP. *Phonische Variation in der weißrussischen «Trasjanka». Sprachwandel und Sprachwechsel im weißrussisch-russischen Sprachkontakt*. Oldenburg: BIS; 2015. 491 S.
16. Menzel Th, Hentschel G. *Flexionsmorphologische Irregularität im innerslavischen Sprachkontakt. Sprachinhärente Präferenzen oder politisch-soziale Dominanz: Russisch vs Weißrussisch / Ukrainisch-Polnisch vs Kaschubisch / Lemkisch*. Frankfurt am Main: Peter Lang; 2017. 371 S.
17. Kittel B, Lindner D, Brüggemann M, Zeller JP, Hentschel G. *Sprachkontakt – Sprachmischung – Sprachwahl – Sprachwechsel. Eine sprachsoziologische Untersuchung der weißrussisch-russisch gemischten Rede «Trasjanka» in Weißrussland*. Frankfurt am Main: Peter Lang; 2018. 338 S.
18. Cychun H. Soziolinguistische, soziokulturelle und psychologische Grundlagen gemischten Sprechens. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 163–172.
19. Ramza T. Die Evolution der Trasjanka in literarischen Texten. *Zeitschrift für Slawistik*. 2008;53(3):305–325. DOI: 10.1524/slsw.2008.0022.
20. Klimaw IP. [Transformation of the Belarusian dialects: theoretic prospects of study]. In: Antropau MP, editor. *Belaruskaja mova w kul’turnaj i mownaj prastory Slavii. Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi*; 24–25 listapada 2009 g.; Minsk, Belarus’ [Belarusian language in cultural and linguistic space of Slavia. Proceedings of the International scientific conference; 2009 November 24–25; Minsk, Belarus]. Minsk: Prava i ekanomika; 2009. p. 250–254. Belarusian.
21. Mečkovskaja NB. Die weißrussische Trasjanka und der ukrainische Suržyk: Quasi-ethnische, russifizierte Substandards in der Geschichte der sprachlichen Situation. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 53–90.
22. Klima I. Trasjanka und Halbdialekt: Zur Abgrenzung von Phänomenen der *parole* und der *langue*. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 173–192.
23. Liankevič A. Die Einstellung zu den gemischten sprachlichen Codes in Weißrussland (am Material eines matched guise-Tests). In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 233–252.
24. Cychun H. Studien zur «Trasjanka». Oldenburg: BIS; 2013. 53 S.
25. Hentschel G. [Belarusian-Russian mixed speech («trasjanka»): eight questions and answers]. In: Belarusian State University. *Jazykovoï kontakt* [Language contact]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2015. p. 171–186. Russian.
26. Hentschel G. Eleven questions and answers about Belarusian-Russian mixed speech («Trasyanka»). *Russian Linguistics*. 2017;41(1):17–42. DOI: 10.1007/s11185-016-9175-8.
27. Hentschel G. [Eleven questions and answers about Belarusian-Russian mixed speech («trasyanka»)]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2017;1(33):209–250. Russian.
28. Mechkovskaya NB. [Belarusian trasyanka as the apple of discord and as the whetstone of the method]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2018;1(35):226–250. Russian.
29. Barkovich AA. [Russian-Belarusian cross-lingual interference and trasyanka: computer-mediated verification and scientific reflection]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2021;69:5–28. Russian.
30. Masenko L. [Surzhik: the history of formation, actual state, prospects of functioning]. In: Hentschel G, Zaprudski S, editors. *Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk: structural and social aspects of their description and categorization*. Oldenburg: BIS; 2008. p. 1–37. Ukrainian.
31. Moser M. How it all began: Ukrainian-Russian «surzhuk» in eighteenth-century sources from the Hetmanate. In: *New Contributions to the History of the Ukrainian Language*. Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press; 2016. p. 138–168.

32. Besters-Dilger J. [Convergence and divergence of Slavic languages. The influence of sociolinguistic factors in the past and in modernity]. V: Kurek H, redaktor. *Języki słowiańskie w ujęciu socjolingwistycznym: prace przygotowane na XV Międzynarodowy Kongres Slawistów; 20–27 sierpień 2013; Mińsk, Belarus*. Kraków: Księgarnia Akademicka; 2012. s. 9–22. Russian.
33. Mikhnevich AE, editor. *Russkii yazyk v Belorussii* [Russian language in Belorussia]. Minsk: Nauka i technika; 1985. 272 p. Russian.
34. Makarjevich V. *Mova drobnaj shljahty Belarusi w XIX st.* [Language of the landed gentry in Belarus in the 19th century]. *Studia Bialorutenistyczne*. 2012;6:255–263. Belarusian.
35. Bieder H. Die weißrussisch-russische Mischsprache (Trasjanka) als Forschungsproblem. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 91–118.
36. Bilaniuk L. A typology of surzhyk: mixed Ukrainian-Russian language. *International Journal of Bilingualism*. 2004;8(4): 409–425. DOI: 10.1177/13670069040080040101.
37. Gustavsson S. Byelorussia. In: Goebel H, Nelde PH, Starý Z, Wölck W, editors. *Halbband: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Band 2*. Berlin: de Gruyter Mouton; 1997. S. 1919–1926.
38. Gustavsson S. Belarus: a multilingual state in Eastern Europe. In: Gustavsson S, Runblom H, editors. *Language, Minority, Migration. Yearbook 1994/1995 from the Centre for Multiethnic Research*. Uppsala: Centre for Multiethnic Research; 1995. p. 39–74.
39. Hentschel G. [About work of the Commission for the study of language contacts at the International committee of slavists]. In: Dulichenko A, Gustavsson S, Dunn J, editors. *Slavica Tartuensia VII. Slavyanskije literaturnye mikroyazyki i yazykovye kontakty. Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, organizovannoi v ramkakh Komissii po yazykovym kontaktam pri Mezhdunarodnom komitee slavistov; 15–17 sentyabrya 2005 g.; Tartu, Estoniya* [Slavica Tartuensia VII. Slavic literary microlanguages and language contacts. Materials of the International conference organized within the framework of the Commission on language contacts under the International Committee of Slavists; 2005 September 15–17; Tartu, Estonia]. Tartu: Tartu university; 2006. p. 17–21. Russian.
40. Golovko EV. Code-switching or new code? *Trudy fakul'teta etnologii*. 2001;1:298–316. Russian.
41. Zinkevych A, Prenner MK, Kittel B, Lindner D, Brüggemann M, Zeller JP, Hentschel G. Sprachkontakt – Sprachmischung – Sprachwahl – Sprachwechsel. Eine sprachsoziologische Untersuchung der weißrussisch-russisch gemischten Rede «Trasjanka» in Weißrussland. *Movoznavstvo*. 2019;5:73–79. Ukrainian.
42. Jaspers J. Diglossia and beyond. In: Garcia O, Flores N, Spotti M, editors. *The Oxford handbook of language and society*. Oxford: Oxford University Press; 2017. p. 179–198.
43. Bilaniuk L. Conflicting epistemologies in the study of mixed languages. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 27–30.
44. Hentschel G, Tesch S. «Trasjanka»: Eine Fallstudie zur Sprachmischung in Weißrussland. In: Stern D, Voss Chr, editors. *Marginal Linguistic Identities. Studies in Slavic contact and borderland varieties*. Wiesbaden: Harrassowitz; 2006. S. 213–243.
45. Stern D. Die Trasjanka und die Regiolektalisierung des Russischen in Weißrußland. *Zeitschrift für Slawistik*. 2013;58(2): 169–192.
46. Hentschel G, Zeller JP. Gemischte Rede, gemischter Diskurs, Sprechertypen: Weißrussisch, Russisch und gemischte Rede in der Kommunikation weißrussischer Familien. *Wiener Slawistischer Almanach*. 2012;70:127–155.
47. Martinet A. La double articulation linguistique. *Travaux du cercle linguistique de Copenhague*. 1949;5:30–37.
48. Hentschel G. [Some differences and similarities in the mixed Belarusian-Russian speech of various speakers in various Belarusian towns]. In: Zaprudski SM, Cychun GA, editors. *Novae slova w belarusistycy. Movaznavstva* [A new word in Belarusian studies. Linguistics]. Minsk: Chatyry chvjerci; 2012, p. 220–232. Russian.
49. Hentschel G. Belarusian and Russian languages and Belarusian-Russian mixed speech. *Voprosy yazykoznaniya*. 2013;1:53–76. Russian.
50. Hentschel G. Zur weißrussisch-russischen Hybridität in der weißrussischen «Trasjanka». In: Kosta P, Weiss D, editors. *Slavistische Linguistik 2006/2007: Referate des XXXII Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens, Männedorf bei Zürich, 18–20 September 2006, und Referate des XXXIII Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens, Potsdam 4–6 September 2007. Gerd Freidhof zur 65. Geburtstag gewidmet*. München: Otto Sagner; 2008. S. 169–219.
51. Chambers J. Sociolinguistics of immigration. In: Britain D, Cheshire J, editors. *Social Dialectology. In honour of Peter Trudgill*. Amsterdam: John Benjamins; 2003. p. 97–114.
52. Matras Y. *Language contact*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. 366 p.
53. Hentschel G. Zwischen Variabilität und Regularität, «Chaos» und Usus: Zu Lautung und Lexik in der weisrussisch-russischen gemischten Rede. In: Hentschel G. *Variation und Stabilität in Kontaktvarietäten. Beobachtungen zu gemischten Formen der Rede in Weißrussland, der Ukraine und Schlesien*. Oldenburg: BIS; 2013. S. 63–99.
54. Hentschel G. Regular variation or «chaos»: the question of usus in a mixed linguistic varieties – the case of Belarusian «trasyanka». *Voprosy yazykoznaniya*. 2016;6:84–112. Russian.
55. Hentschel G. Belarusian «trasyanka» and Ukrainian «surzhyk»: the main differences in the degree of Russian influence. *Przeglad Rusycystyczny*. 2018;2(162):190–206. Russian.
56. Hentschel G, Kittel B. Weißrussische Dreisprachigkeit? Zur sprachlichen Situation in Weißrussland auf der Basis von Urteilen von Weißrussen über die Verbreitung «ihrer Sprachen» im Lande. *Wiener Slawistischer Almanach*. 2011;67:107–135.
57. Bieder H. Die gegenwärtige sprach- und kulturpolitische Entwicklung in Weißrußland. *Die Welt der Slaven*. 1992;37:142–168.
58. Auer P. Europe's sociolinguistic unity, or: A typology of European dialect/standard constellations. In: Delbecq N, van der Auwera J, Geeraerts D, editors. *Perspectives on variation: sociolinguistic, historical, comparative*. Berlin: Mouton de Gruyter; 2005. p. 7–42. DOI: 10.1515/9783110909579.7.
59. Bullock BE, Toribio AJ. Themes in the study of code-switching. In: Bullock BE, editor. *The Cambridge handbook of linguistic code-switching*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. p. 1–17.
60. Hentschel G. Die weißrussische «Trasjanka» und der ukrainische «Suržyk»: grundlegende quantitativ-qualitative soziolinguistische Ähnlichkeiten und Unterschiede. In: Kempgen S, Wingender M, editors. *Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress Belgrad 2018*. Wiesbaden: Harrassowitz; 2018. S. 127–138.

61. Auer P. Language mixing and language fusion: when bilingual talk becomes monolingual. In: Besters-Dilger J, Dermarkar C, Pfänder S, Rabus A, editors. *Congruence in contact-induced language change. language families, typological resemblance, and perceived similarity*. Berlin: de Gruyter; 2014. p. 294–333. DOI: 10.1515/9783110338454.294.
62. Hentschel G, Taranenko O. Bilingualism or tricodalism: Ukrainian, Russian and «suržyk» in Ukraine. Analysis and linguistic-geographical mapping. *Die Welt der Slaven*. 2021;66(2):268–299.
63. Trudgill P. *Dialects in contact*. Oxford: Blackwell; 1986. 174 p.
64. Hentschel G. On the development of inflectional paradigms in Belarusian trasyanka: the example of demonstrative pronouns. In: Hentschel G, Zaprudski S, editors. *Belarusian trasyanka and Ukrainian suržyk. Structural and social aspects of their description and categorization*. Oldenburg: BIS; 2008. p. 99–133.
65. Moreno FF, Moreno FJ. Madrid perceptions of regional varieties in Spain. In: Long D, Preston D, editors. *Handbook of perceptual dialectology. Volume 2*. Amsterdam: John Benjamins; 2002. p. 295–320.
66. Kryvicki AA. The heritage of J. F. Karski in Belarusian dialectology. *Bielaruskaja linhvistyka*. 1982;21:18–24.
67. Nosovich II. [Memoirs about my life]. *Neman*. 1997;4:194–254. Russian.
68. Yanchuk NA. *Po Minskoi gubernii (zametki iz poezdki v 1886 godu)* [Along Minsk province (remarks from the 1886 trip)]. Moscow: Tipografiya A. Levenson i K^o; 1889. 130 p. Russian.
69. Danylenko A. Iazychie and suržyk: mixing languages and identities in the Ukrainian borderlands. In: Kamusella T, Noma-chi M, Gibson C, editors. *The Palgrave handbook of Slavic languages, identities and borders*. London: Palgrave Macmillan; 2016. p. 81–100.
70. Sloboda M. [Categories «trasyanka» and «českoslovenština» as discursive objects: their origin and use in modern Belarusian-Russian and Slovak-Czech discourses]. In: Zaprudski SM, Cychun HA, editors. *Movaznavstva. Matjeryjaly IV Mizhnarodnaga kangrjesa belarusistaw «Bielaruskaja kul'tura w kantjeksce kul'tur ewrapejskich krain»; 6–9 chjervenja 2005 g.; Minsk, Belarus* [Linguistics. Proceedings of the IV International congress of Belarusians «Belarusian culture in the context of European cultures; 2005 June 6–9; Minsk, Belarus]. Minsk: Limaryus; 2010. p. 190–200. Belarusian.
71. Nábělková M, Sloboda M. «Trasyanka» and «českoslovenčina» (Czechoslovak) as discursive emic categories: history and current usage. In: Hentschel G, Taranenko O, Zaprudski S, editors. *Trasjanka und Suržyk – gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang; 2014. S. 31–52.
72. Scherba LV. *Jazykovaya sistema i rečevaya deyatelnost'* [Linguistic system and speech activity]. Leningrad: Nauka; 1974. 427 p. Russian.
73. Lippi-Green R. Accent, standard language ideology, and discriminatory pretext in the courts. *Language in society*. 1994; 23(2):163–198.
74. Nekrashjevič C, Ignatowski U, editors. *Pracy Akadjemichnae kanferencyi pa rjeforme belaruskaga pravapisu i azbuki; 14–21 listapada 1926 g.; Minsk, Belarus* [Proceedings of the academic conference on the reform of the Belarusian spelling and alphabet; 1926 November 14–21; Minsk, Belarus]. Minsk: Instytut belaruskaj kul'tury; 1927. 423 p. Belarusian.
75. Mickevich K. *Metodyka rodnae movy* [Native language techniques]. Minsk: Dzjarzhawnae vydavectva Belarusi; 1926. 139 p. Belarusian.
76. Padluzhny AI. [Introduction]. In: Burlyka VR, Burlyka IR, Vygonnaja LT, Losik GV, Padluzhny AI, Rusak VP, editors. *Vusnaja belaruskaja mova* [Oral Belarusian language]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1990. p. 3–18. Belarusian.
77. Tolstoi NI. *Istoriya i struktura slavyanskikh literaturnykh yazykov* [The history and structure of Slavic literary languages]. Moscow: Nauka; 1988. 239 p. Russian.
78. Dingley J. Ukrainian and Belorussian – a testing ground. In: Kirkwood M, editor. *Language planning in the Soviet Union*. London: Palgrave Macmillan; 1989. p. 174–189.
79. Grynblat MJa. [Proverbs and sayings]. In: Fjadosik AS, editor. *Prykazki i prymawki. Tom 1* [Proverbs and sayings. Volume 1]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1976. p. 5–48. Belarusian.
80. Hentschel G, Brandes O. Zur Morphologie der anaphorischen Pronomen in der gemischten weißrussisch-russischen Rede. In: Berger T, Giger M, Kurth S, Mendoza I, editors. *Von grammatischen Kategorien zu sprachlichen Weltbildern – die Slavia von der Sprachgeschichte bis zur Politsprache*. München: Kubon & Sagner; 2009. S. 199–214.
81. Suprun AE. *Soderzhanie obucheniya russkomu yazyku v belorusskoi shkole* [The content of teaching the Russian language in the Belarusian school]. Minsk: Vyshhejšhaja shkola; 1987. 228 p. Russian.
82. Woolard KA. Codeswitching and Comedy in Catalonia. *IPrA Papers in Pragmatics*. 1987;1(1):106–122. DOI: 10.1075/iprapip.1.1.04woo.
83. Madsen LM. Heteroglossia, voicing and social categorisation. In: Blackledge A, Creese A, editors. *Heteroglossia as practice and pedagogy*. Heidelberg: Springer; 2014. p. 41–58. DOI: 10.1007/978-94-007-7856-6_3.